

Русские идут

Юрий НИКИТИН

Империя Зла

«ЭКСМО»

2000

Никитин Ю. А.

Империя Зла / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2000 — (Русские идут)

Соединенные Штаты Америки – единственная сверхдержава на Земле. Мощь Америки потрясает, ее гегемония кажется незыблемой. Но ведь существовала когда-то великая Римская империя. Самая могущественная в мире. От поступи ее легионов дрожали Европа, Азия и Африка, наука и искусство процветали. Но пришли грубые, невежественные варвары и разгромили Рим. И создали свою цивилизацию – выше и лучше. Этот урок истории хорошо усвоили президент Александр Кречет и его соратники, ведущие нелегкую работу по возрождению России, вызвавшую явное недовольство заокеанской Империи.

© Никитин Ю. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

От автора	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрий Никитин

Империя Зла

Этот роман является чистейшим вымыслом. Любое совпадение имен, географических названий или событий является случайным.

От автора

Как уже предупреждал в предисловии к «Ярости», это боевик, ибо имеют место безобразные драки, стрельба, кремлевские тайны и вроде бы даже погони. Словом, политический боевик.

И, конечно же, все события вымышлены – как имена, фамилии, должности. К тому же автор настолько далек от милиции, спецслужб, армии (не служил!), что даже не извиняется за ляпы и неточности, им несть числа, а еще автор не скрывает, что не отличит погоны прапорщика от лычек генерала.

Но уже сложился круг читателей, которые... читают Никитина. Это не те, которые долго и со знанием дела, стоя в красивых позах древних греков, обсуждают форму ушей эльфов по Толкиену и сравнивают с ушами эльфов... ну, этих доморощенных эльфеписов масса. И черт с нею – страной, экономикой, моралью! Дескать, они люди возвышенные, одухотворенные, красиво и элегантно мыслящие. К тому же, что самое главное, хотят оставаться приятными в общении. Как сказал Гоголь, та дама просто приятная дама, а вот эта – приятная во всех отношениях... Вот и они – приятные во всех отношениях:-))

Так вот эта книга, как и другие книги серии, не для ребятков, которые хотят быть приятными во всех отношениях. Это для таких, которые на сайте <http://nikitin.wm.ru> спорят зло, доискиваются, выясняют и, конечно же, в силу своей уязвимости получают по голове от этих приятных во всех отношениях.

Почему? Всегда о любом начинании проще говорить: нет, не получится, ничего не выйдет. Такой человек в девяти случаях из десяти оказывается прав. И выглядит лучше, интеллигентнее, правильнее. Говорит готовыми обкатанными фразами, без труда побеждает в спорах.

Зыбкую идею еще надо суметь оформить в слова, как-то объяснить себе и другим, а у приятного во всех отношениях оппонента наготове масса блестящих и остроумных доводов против. Он легко и под смех окружающих разобьет в пух и прах несчастного, вздумавшего создавать свою теорию, религию, иной взгляд на компьютерные игры или на взаимоотношение полов.

Конечно, эти девять из десяти никогда ничего не создают и не творят, но они и никогда (почти) не ошибаются! И потому выглядят правильно, респектабельно, с ними хорошо общаться, они не надерзят, как эти молодые гении, они воспитанны и обходительны.

И все-таки эта книга для тех, кому хватает дерзости быть одним из десяти. Им нужна дерзость, как воздух, ибо «будь таким, как все» – страшный каток! Конечно, и автору лучше бы писать для девяти, рубль в кармане одинаков у всех, а сейчас, когда вроде бы голосуют рублем... Да ладно, к черту такую массовость. Один дерзкий дороже тупого покорного стада!

Хотя вообще-то этот приятный во всех отношениях идеален для любого общества. Он правилен! Он живет главенствующей идеей. Сегодня сказали, к примеру, что антисемитизм – это нехорошо, этот человечек всюду говорит, как свое собственное мнение, что антисемитизм – это нехорошо. Скажи завтра так же авторитетно, что жидов надо всех извести, он тут же пойдет точить нож. Особенно если скажет не правительство (кто ему верит), а импозантный

член академий, искусствовед с благородным усталым взором и красивой седой гривой до плеч. А вы уверены, что не скажет?

На сайт приходят ребята, которые не шарахаются острых вопросов. Их не страшит проиграть в спорах эрудированным и приятным. Не бойтесь и вы! За ними в самом деле огромный пласт мировой культуры. С вами через их вообще-то тупые болванки тел говорят величайшие мыслители как прошлого века, так и того, что вот-вот станет прошлым! С ними спорить трудно. Но... нужно. Они то, на чем цивилизация стоит, а вы те, кому эту махину тащить дальше.

Был красивый и просвещенный Рим. Изысканный город юристов, поэтов, драматургов, скульпторов. Была могучая римская армия. Образованные люди спорили о форме ушей нимф, предавались изысканнейшим плотским утехам... Но откуда-то появились ужасные, невежественные, неграмотные, грубые первохристиане. Злые. Не один из десяти, а куда меньше. Всегда проигрывали в спорах образованнейшим римлянам, которые знали и поэзию, и философию, и языки и отличались широтой взглядов...

И все-таки эти новые разрушили могучую и вроде бы незыблемую Римскую империю!

И создали свою цивилизацию. Выше и лучше.

Но вот уже через какие-то полторы тыщи лет ее образованнейшие жители спорят о форме ушей толкиенских эльфов, красиво и умно говорят о свободах для секс-меншинств, о новой форме колец для ношения в носу...

Ломайте и вы этот дряхлый мир!

Вы – ростки нового.

Юрий Никитин

Часть первая

Валерию Полозову, который подсказал идею, тербил, чтобы отложил серию о Троиц...

Глава 1

Вадим Богемов подарил на днях Хрюке оранжевого пищашего ежика из толстой резины. Бедная псяка чуть не сошла с ума от счастья, прыгала и кувыркалась, а потом смотрела со смертельной обидой, когда я отнял игрушку и забросил в прихожей на вешалку.

Ночью сидела там в темноте и караулила, не сводя глаз с высокой полки. Как только трусливый ежик осмелеет, побежит, свалится, тут-то она и цапнет, и начнет тискать, чтобы пищал, пищал, пищал во всю мочь...

Утром, когда я надевал ей ошейник и совал в карман ее любимые фролики, она не сводила с полки глаз. Ежика я взял, но не отдавал, иначе оглушительным писком перебудит соседей, только уже в лифте выхватила, начала судорожно и счастливо мять, давить, наслаждаясь музыкой, которую создает сама, такая умная и замечательная.

Из подъезда вырвалась, оглашая двор отчаянным писком бедного ежика. На лавочке, несмотря на раннее утро, уже сидели старухи, грелись на солнышке. Увидев Хрюку, расплылись в умильных улыбках, а псина весело помахала им обрубок хвоста, похвасталась ежиком, дала себя погладить. Я ушел уже далеко в сквер, и она помчалась за мной через редкий кустарник, как кабан-секач через камыши.

Напротив нашего дома здание института, бывшего, как я понимаю, теперь там пара компьютерных фирм. Я их запомнил только потому, что в одной ребята начали делать games на отечественную тематику с былинными богатырями, волхвами и воинами-чародеями. Правда, с неизбежными орками, троллями и гоблинами, которых наши дети знают намного лучше, чем леших или волкодлаков!

Да еще девчонки вечно высказывали покурить за угол, Хрюка с ними постоянно общается, они ее чешут и гладят, как и сейчас, когда помчалась похваляться своим сокровищем.

Обычно мы гуляли по скверику, но сегодня из-за ежика я не мог упустить случая пройти по улице. Народ валит на работу, морды сонные, угрюмые, но редкий не расплывется в улыбке, когда навстречу бежит этот толстый кабан, подпрыгивает от счастья и пищит, пищит, показывает ежика, виляет обрубок хвоста.

Все мы, владельцы собак, любим их больше, чем абстрактное человечество, а когда Хрюка с новой игрушкой, я нарочито – после скверика, конечно, где Хрюка оставляет свою кучку, – делаю круг по улице, где полно народу. Она подбегает ко всем, кто ей улыбнется издали, показывает ежика, попищит и бежит дальше, а сзади детский рев: «Мама, и я хочу такую веселую собачку!»

После неудавшегося переворота на улицах народу стало втрое больше. Даже в глубинке собирались кучками, спорили до хрипоты, организовывались разные кружки, а Москва так вообще бурлила, как кипящий котел. На Манежной площади в двойном кольце омоновцев, как муравьи, сутились рабочие, гроыхала техника. Уже поднялось гигантское кольцо двух первых этажей мечети. Перед кордонами омоновцев бушевал постоянный митинг.

В новостях постоянно шли репортажи с Манежной, по экранам реяли стяги коммунистов, либералов, казаков, монархистов. Все плечом к плечу, все одинаково остервенелые, все защищают ту веру, о которую совсем недавно вытирали сапоги.

Комично, что ряды митингующих поредели, едва стало известно, что мечеть строят самую большую и богатую в Европе. Все за счет Саудовской Аравии, Россия не затратила ни копейки. Строители, по нашему совету, в нарушение здравого смысла, сразу начали украшать первые этажи. Там заблестало удивительно чистыми красками, такой красоты на Руси со времен Ярослава Мудрого уже не видели, и ряды протестующих поредели еще больше. Я предложил Кречету пустить слух из самых достоверных источников, что эта мечеть будет самой грандиозной не только в Европе, но и во всем мире. Митингующих станет меньше за счет тех, кто просто хочет видеть хоть что-то в России великое, как память о самой грандиозной империи всех времен и народов.

На Пресненском валу магазины, похоже, переориентировались снова: там, где месяц тому еще торговали продуктами, сегодня уже с решетками, массивной сейфовой дверью. Телекамеры начали подозрительно рассматривать меня за полста шагов. Ага, сделали оружейным. То ли подсустились после указа крутого президента, то ли успели даже раньше: за три дня так не переоборудуешь.

А вот тихий «Гамос» снова ожил: возле дверей образовалась очередь, словно в советские времена. Явно резко снизили цены, привлекая покупателей. Правда, очередь еще и потому, что сейчас без трех минут девять, а эти ребята открываются только в девять...

Когда мы проходили мимо, на нас впервые внимания не обратили. В двери проталкивался спортивного вида кавказец, подчеркнуто кавказской внешности: черная борода, бритая голова, прямая спина сына гор, презрительное высокомерие к этим русским свиньям. Перед ним неохотно расступались, он протискивался с видом полного хозяина жизни и здесь, в России, уже протянул руку к двери, и тут я увидел, как худосочный парень, что стоял в середине очереди, вдруг сунул руку за пазуху, и на свет появился пистолет.

Парень ткнул черным стволом в бок кавказца. Тот дернулся, еще не понимая, кто посмел потревожить, встретился с бешеными глазами. Парень прошипел люто прямо в смуглое нагло-красивое лицо:

– Тварь чернозадая!.. Три секунды, чтоб исчез. Иначе, видит бог, всажу всю обойму.

Среди замершего люда это прозвучало громко и страшно. Смуглое лицо сына гор вмиг приобрело синюшный цвет. Выгаращенные глаза уставились на черный ствол. Парня трясло от злости, кавказец застыл, я со своего места видел, как в его бритой голове лихорадочно мечутся мысли: не может же этот русский вот так взять и выстрелить! Самого упекут за убийство, все-таки это не самооборона, а нападение, любой суд влепит не меньше пятнадцати...

В глазах парня появилось колебание, пугливо зыркнул по сторонам. Кожа на скулах напряглась, выдавая страшное напряжение. Да, погорячился, но как отступить, когда смотрит столько народу? Это же лицо потерять... даже у русского появляется лицо, если в руке пистолет с полной обоймой.

Наступила та страшная звенящая тишина, когда даже воздух остановился, в нем неподвижно завис падающий листок, не колыхнется. Чувствуя, что сейчас парень либо нажмет курок, либо с позором отступит, и то и другое страшновато последствиями, я торопливо сделал шаг вперед:

– Я свидетель, я свидетель! Гулял с собакой, увидел, как этот бритоголовый наглец набросился на молодого человека, и тот вынужден был-с, да-да, вынужден-с...

В очереди на меня уставились как на марсианина, но вдруг кто-то из сообразительных быстро сказал с убежденной веселостью:

– Я тоже видел!.. Кавказец напал первый!

– Ага, – выкрикнул еще голос. – Он... э-э... напал...

– Самооборона, – сказал еще кто-то глубокомысленно. – Я свидетель, что этот бандит всех нас хотел зарезать!.. Да что ты, парень, смотришь? Стреляй! Мы все подтвердим, что этот...

Сразу несколько голосов зашумело, в том числе и женские:

– Бандит!

– Он угрожал нам, я свидетельница!

– Давай в его рылу всю обойму!..

Кавказец исчез, только что был здесь, и тут же на его месте осталось небольшое завихрение воздуха. Его унесло с такой скоростью, что в родном тейпе заплевали бы за потерю достоинства.

В очереди весело и раскованно смеялись. Я видел, как разгибаются спины, а в глазах появляется то давно забытое с принятием христианства чувство гордости, которое христианство назвало гордыней и сделало одним из семи самых страшных смертельных грехов.

Даже чересчур быстро, сказал я себе трезво. Когда это победит, когда все будут при оружии и с прямыми спинами, а писаки с носом по ветру, всю изгалявшиеся над желанием иметь оружие, начнут воспевать это ношение, я уйду в оппозицию. Как бы это массовое вооружение не вышло боком, гордость не превратилась в надменность, пренебрежение чужим мнением! Впрочем, это потом. Сейчас куда важнее, чтобы оружие без помех мог покупать каждый, кто не сумасшедший и не сидел в тюрьме. По крайней мере, за грабежи.

Поступил я, честно говоря, как мальчишка. В моем возрасте надо жить умом, а не чувствами. Правда, люди везде ведомы чувствами. Если буду по уму, то надо на другую планету. Только что поддержал крикунов, что требовали расправы над кавказцем... просто над наглцом, что пытался пролезть без очереди. Таких хватает и среди русских или хохлов. Проступок незначительный, за него даже не оштрафуют. Но... народ жаждал крови.

По сути, я спас шкуру, а то и жизнь кавказцу, русского уберег от тюрьмы, жене сохранил мужа, а детям – отца. Но на душе все же гадко, ибо...

Но где же тогда власть народа, если абсолютное большинство требует ужесточения наказания, смертной казни, а кто-то странный все смягчает и смягчает? Смертную казнь собираются отменить вовсе? Ведь даже интели, которые больше всего боятся показаться недостаточно интеллектуально развитыми, в микрофон говорят об отмене смертной казни, а дома на кухне орут, что всех этих наркоманов, насильников, бандитов и казнокрадов надо быстренько расстреливать по суду шариата, а вешать прямо на Красной площади!

А что такое закон? Это воплощенное в обязательное для всех мнение большинства народа. Только тогда закон соблюдают, ибо за ним не только пистолет милиционера, но и поддержка населения.

Но почему же тогда такой дикий перекося? Когда в Чечне начали расстреливать по суду шариата, в России даже те, кто люто ненавидел чеченцев, перекосялись от зависти: вот бы и у нас так! Почему те могут поступать по правде и совести, а мы обязаны подчиняться каким-то нелепым законам, перенесенным хрен знает кем и откуда? Скорее всего с Марса или еще откуда-то, где не воруют, не насилуют и уж тем более не убивают.

– Законы только тогда работают в полную силу, – пробормотал я, – если их поддерживает народ. Или хотя бы понимает.

– Что? – послышался голос рядом.

Я вздрогнул, а Володя деликатно улыбался, возникнув, как призрак, прямо из воздуха. По ту сторону аллеи прогуливалась парочка, я их раньше не видел. Либо меня оберегают, либо готовятся пристрелить.

– Уже? – удивился я. – Как быстро...

– Вы гуляете двадцать две минуты, – напомнил Володя. – Ваша собачка изволила покакать дважды, семь раз пописала, а наши ребята штаны порвали, пытаясь поспеть за вами... раньше вас. А штаны у них от Кардена. Предлагал же вам президент переехать в более охраняемое место!

Я отмахнулся:

– Да ладно. Лучше прожить год львом, чем сто – овцой. Сейчас отведу Хрюку, кофе уже пил, так что не задержусь.

Машина Володи стояла возле подъезда. Когда я поднимался по ступенькам, с моего плеча на коричневую дверь скакнул солнечный зайчик. Если бы кто-то с дальних крыш рассматривал через оптический прицел мою стрижку, то был бы красный кружок. А это забавляется ребенок из дома напротив. Ребенок. Просто ребенок.

Глава 2

Когда машина вырулила на магистраль, Володя поинтересовался с хорошо рассчитанной ленцой:

– А что там народ шумел?

– Первое применение оружия, – ответил я, все еще чувствуя неловкость от мальчишеского поступка. – Правда, без выстрелов.

Он покосился круглым, как у птицы, удивленным глазом:

– Применение?

– Применение, – повторил я. – Володя, у тебя сколько звездочек на погонах? Для тебя применение – это если всю обойму в упор, да?.. Гм, вряд ли у того парня есть разрешение на ношение. На хранение дома – да, но чтобы выносить на улицу...

Володя буркнул:

– Теперь хоть обыскивай народ. Каждому зудит ходить по улице с пистолетом в кармане. Начнется выяснение, кто кому на ногу наступил в троллейбусе.

Я сказал с иронией:

– А пока что каждый, заполучив оружие, тут же хотел бы ограничить его выдачу остальным. А то и вовсе запретить. Что, задевает? Мол, у каждого может оказаться пистолет не хуже, чем у тебя? Ты столько добивался, анкету делал, экзамены сдавал, а им стоит только справку предъявить, что не сумасшедшие и что не сидели!

Он понял, засопел, долго молчал, затем буркнул:

– У них пистолеты могут оказаться и получше. К тому же я применю только в самом крайнем случае! А эти... Не так посмотришь, он тебе в спину шарахнет. Хоть сидел, хоть не сидел. Правда, для страны, может быть, и хорошо, но для отдельных человечков...

Он говорил грамотно, слова расставлял с крестьянской основательностью. Очень здоровый как по генной структуре, так и в психике. Таких охотно усаживают за пульта управления баллистических ракет и атомных реакторов. Сто тысяч психиатров поседуют и начнут ловить зеленых чертей раньше, чем такой ощутит хоть некоторое психическое неудобство. Ему сказали старшие по званию, что нехорошо народ вооружать, он это усвоил накрепко. Теперь надо так же основательно и убедительно сказать, что вооружать – хорошо. И повторить много раз.

При въезде в Кремль нас проверили небрежненько, второй раз осмотрели, когда остановились перед Большим Кремлевским дворцом, а третий раз меня остановили в вестибюле.

Охранники уже знали советника президента, кем я являюсь, в лицо, что не помешало проверить сверху донизу, просветить всеми лучами. На их лицах я читал сильнейшее сожаление, что можно просветить только голову, но не мысли. Во-первых, морду можно заменить даже не устаревшей хирургией, а какими-то бионашлепками, не отличишь от собственной морды, а во-вторых, футуролог – не охранник, у которого только одна извилина, прямая, как армейский устав, а когда извилин много, то либо Наполеоном себя назовет, либо на президента кинется...

– Да ладно, – сказал я, морщась на виноватое выражение в глазах начальника охраны. – Теперь за Кречетом начинают охотиться все спецслужбы мира, не считая разных партий и организаций! А уж героев-одиночек...

В главном холле с возвышения красиво и убедительно вещал респектабельный мужчина с одухотворенным лицом композитора. Правительственные клерки зачарованно следили за его белыми холеными ладонями, что мелькали как бабочки-белянки. Он поймал и меня цепким взглядом, голос стал громче, приглашающим, я понял, что речь идет о языке поз, жестов, положений рук при разговоре и прочей ерунде, что принимается нищими духом с восторгом.

Комитет по имиджу, отработывая немалое жалованье, пригласил очередного шарлатана с циклом лекций. Слабый человек всегда пытается спрятаться за спину более сильного, переложить на него ответственность и за себя самого, беспомощного и гениального. Придумывает богов, астрологию, Единого Творца, всякие гадания, тайные науки древних, эзотерику, рериховщину, Старших Братьев по Разуму... Даже этот вот язык поз и положения рук при разговоре должен как-то еще больше упорядочить мир, ибо слабый человек страшится до свинячьего писка свободы, любой свободы, а мы ему еще подсовываем закон о свободе приобретения оружия!..

Ему надо, чтобы все регламентировано, чтобы его собственную самостоятельность к минимуму, чтобы всегда можно сослаться на положение звезд, скоромные дни, требования начальства, линии жизни на руке... Нужна предопределенность!

Дюжий парень в слишком респектабельном костюме, приоткрыв дверь, слушал с большим интересом. Я похлопал его по плечу, он вздрогнул, возвращаясь в реальный мир, где он всего лишь охранник, а не властелин тайных сил, вытянулся:

– Дежурный по второму этажу!

– У вас есть блокнот? – спросил я. – Нет? Жаль... Надо будет взять всех этих на заметку...

– Которых?

– Которые слушают, – пояснил я и со значением посмотрел ему в лицо. – Понимаете?

Он смущенно помялся:

– Нам о блокнотах ничего не говорили. Я владею всеми видами оружия, только не блокнотом. Говорят, ниндзюки даже веером...

– Жаль, – повторил я и, собираясь уходить, проговорился в порыве старческой болтливости, этакой благодушности, какую молодые парни ждут от людей постарше: – Этот семинар не зря ведь... Понимаешь, надо отделить всех слабых людишек, неспособных принимать самостоятельные решения. Какой же он член правительства, если с гадалками советуется, гороскопы читает да в телепатию верит? Они еще могут быть хорошими генералами... нет, хорошими тоже не могут, но где-то от них урона мало, а здесь... сам понимаешь!

И ушел, зная, что уже сегодня будут знать не только все охранники, но и пресса «из достоверных источников», а трусливых депутатов и членов правительства как метлой выметет от гадалок, шаманов и прочих ясновидящих.

После неудавшегося переворота охраны не стало больше, но Кречет, что и раньше не чурался техники, позволил ввести кое-какие штуки из новейшего спецоборудования. Огромные стекла, размером с витринные, могут выдержать попадание снаряда, а красивые театрального вида шторы глушат любые виды излучений. Из этого здания даже из туалета не просочится ни один бит информации.

В огромном предбаннике Кречета, где хозяйничает Марина, добавилось жидкокристаллических мониторов, на некоторых все еще простые бэкграунды. На одном русские танки движутся по Англии, знакомый старый скринсейвер, а ближе к двери установлен совсем уникальный: сверхтонкий, но с экраном в тридцать дюймов.

Зверского вида всадники в чешуйчатых доспехах на весь экран лихо рубили, кололи, насаживали на пики жалобно вопящих противников. К небу поднимались черные дымы. Горели здания, падали статуи, а в далекой гавани на фоне голубого неба красиво полыхали парусные корабли с тремя рядами длинных весел.

Краснохарев, массивный, как носорог, мощно сопел и с неудовольствием наблюдал за сражением. Рядом красиво стоял аристократ Коломиец, седой, но достаточно моложавый министр культуры. С другой стороны премьера нервно переступал с ноги на ногу Коган, министр финансов, а Мирошниченко, пресс-секретарь президента, без нужды подкручивал верньеры, то увеличивая, то уменьшая яркость. За их спинами присутствовал подтянутый в

штатском, таким он мне всегда казался: подтянутым и в штатском. Мысленно я примерял ему, Сказбушу, министру ФСБ, то мундир лейб-гвардейца, то погоны полковника кайзеровской армии.

Хлопнула дверь. Кречет вошел резкий, как «Нате», налитый гремющей силой, министры почтительно повернулись в его сторону и поспешно кланялись. Кречет бросил Марине на стол папку с бумагами, обернулся:

– Что это за боевик?

Вперед выступил Мирошниченко, бледный и с осунувшимся лицом:

– Господин президент...

– Ну что?

– Господин президент... Я по приказу... простите, совету Виктора Александровича дал указание нашим программистам просчитать, что было бы, если бы князь Владимир принял не христианство, а ислам...

Вид у него был подавленный, плечи опустил, а спина кадрового военного выгнулась, как у кота на мусорном баке. Министры, даже Краснохареv, после поклонов президенту повернулись к нему задом – неслыханный поступок! – и смотрели на экран. Многотысячная конница, захватив один город, двигалась на другой, такой же красиво освещенный заходящим солнцем, оцетинившийся на стенах баллистами, где глаза слепили сотни солнечных зайчиков на блестящих щитах, шлемах и обнаженных мечах...

Кречет бросил коротко:

– И что же?

– Купили мощный компьютер, – объяснил Мирошниченко, – кое-что доделали наши умельцы, потом две недели писали задачу... А сегодня вот машина выдала результат... Я попросил понагляднее, пришлось добавить трехмерные акселераторы для обработки графики, это чуть затормозило, но ненамного...

Кречет рыкнул нетерпеливо:

– К черту подробности! Результат.

– Первое, – сказал Мирошниченко униженно, кадык его с шумом поднялся, погнав волну, все слышали плеск и бульканье, – не турки захватили бы Константинополь, а внуки князя Владимира. Компьютер выдал и точную дату: 1062-й год. А еще через три года столица Московского царства переносится в Константинополь, который отныне именуется Царьградом.

Я услышал шумный выдох. В глазах Коломийца был откровенный восторг. Его ладони терли одна другую с такой силой, что я почти увидел дымок.

– Дальше, дальше...

– А потом, когда началась экспансия ислама, – продолжил Мирошниченко совсем убитым голосом, и мы поняли, чем он убит, – то Европа пала, как спелый плод!.. Русское знамя ислама взвилось над Берлином, Веной, Парижем, Гаагой... Всего через десять лет после начала захвата Европы наши корабли высадили на берега Британии русские войска.

– Почему не арабы? – спросил подозрительно Сказбуш.

– У них начался раскол суннитов на две враждующие группы. К тому же в междоусобную резню вмешались шииты. Она длилась с перерывами почти полстолетия. За это время в Московской империи, которую именовали халифатом, тоже происходили бури, раздоры, великая смута, но, когда наконец добрались до материка за океаном, к тому времени уже все утряслось. Понятно, что тамошние дикари с их жуткими человеческими жертвоприношениями были истреблены, русскими войсками был захвачен Северный материк, где образовался Великий русский халифат, а вся южная часть – где нынешние бразилии, гватемалы и прочие уругвай – арабами.

Коган проговорил с кривой иронической улыбкой:

– А в том Великом русском халифате... это ж, помимо штатовской территории, еще и земли Канады, Мексики...

Лицо Кречета стало темнее грозовой тучи. Глаза метнули молнию, а голос прогремел, как раскаты грома:

– И так день хреноее некуда, так ты решил отравить нам и сон! Теперь будут ходить как лунатики, мечтать о потерянном... А до какого времени просчитал?

Мирошниченко помялся, сказал совсем несчастным голосом:

– До сегодняшнего дня.

В зале наступило гробовое молчание. После паузы Коломиец сказал осторожно:

– И что же?.. Где мы?

– Заседаем, – ответил Мирошниченко совсем убитым голосом. – Все так же заседаем. Только не здесь, а в Царьграде. Военный министр недавно вернулся с Марса, там строят обсерваторию, по дороге проинспектировал базу на Луне, где в условиях вакуума готовят межзвездные корабли для первого пробного полета хотя бы к ближайшей звездной системе... Дело в том, что исламский мир един. Все мозги работают не на разработку оружия, а на прогресс культуры, науки, техники...

Все смотрели то на Кречета, то снова на экран, где русское знамя родного, исконно-посконного ислама победно реяло над двумя третями земного шара, а также над Луной и почти всем Марсом.

И уже совсем неуместно прозвучал громкий голос Когана:

– Прекрасненько, прекрасненько! Но если бы князь Владимир выбрал, скажем, христианство по католическому образцу?

Все посмотрели с ненавистью, словно министр финансов был виноват в неверном выборе князя Владимира. А может, и виноват, уже тогда проклятые иудеи закольцевали великого князя, он сам иудей по матери... а Мирошниченко развел руками:

– Конечно, мы просчитали и этот вариант.

– И что же?

Мирошниченко вздохнул с такой болью в голосе, словно у него рвалось сердце:

– Все то же. Все то же!.. Наш военный министр вернулся бы с технической базы. Только не с Марса, а со спутника Юпитера. Там идет подготовка к запуску двенадцатой звездной экспедиции. Дело в том, что католицизм несколько больше, чем ислам, направлен на экспансию... Мир един, католицизм победил всех и вся, ислам и православие влачат жалкое существование. Как сейчас, к примеру, пятидесятники или староверы. Столица Московской империи в Царьграде, земли за океаном поделены с Европой в той же пропорции: северная – Великое Русское королевство, а южная часть – Испанское, Франкское, Англское...

Кречет с грохотом обрушил пудовый кулак на стол. Подпрыгнули чашки, блокноты, Коган едва успел подхватить ноутбук. Лицо президента было белым от ярости:

– Эта сраная Русь!.. Какие возможности были! Какие возможности... И так обгадиться...

Коломиец сказал торопливо:

– Да запрягаем, запрягаем.

– Только вот понять бы, – пробормотал Сказбуш, – где вожжи, где сопли...

Кречет крикнул, потер ладонями лицо, отряхнулся, словно выскочивший из воды пес, приходя в себя:

– Ладно, за работу. Теперь понятно, почему все прут в наши земли, как депутаты в буфет? От России всегда зависела судьба мира. И сейчас зависит!

В рабочий кабинет Кречета сходились уже привычно, хотя у каждого вроде бы свой роскошный кабинет, да не только кабинет, а целые здания с клерками, референтами, помощниками, что заносят хозяину хвост на поворотах, но Кречет есть Кречет: под его жестким взором

надсмотрщика прямо в его кабинете горбятятся даже те, кто в своем пьянствовал бы с заместителями да ставил бы секретарш криветками.

Кречет не перестраивал свой кабинет, доставшийся от предыдущего президента, а тот в таком же виде получил от генсеков, а те, в свою очередь, мало что меняли по сути в обстановке, доставшейся от русских царей и императоров. Сами кабинеты больше походили по размерам на стадионы, до безобразия плотно заставленные мебелью из Эрмитажа, так мне показалось. Все в золотых рамах, кресла с золотыми спинками, дверные ручки и даже гвозди из чистого золота... Может быть, даже и не так, но у меня создалось такое впечатление, а я человек скептический, повидавший мир. На другого это вот все произведет впечатление, как говорится, вообще неизгладимое.

Ко мне притерпелись, хотя все еще не считают полноправным членом кабинета. Одно дело специалист по углю или безопасности, другое – нечто странное, «футуролог». Мои жалкие попытки объяснить, что философская бомба может нанести ущерба больше, чем атомная, вызывали ухмылки и многозначительное переглядывание. Идиоты, хотя бы вспомнили, как шарахнул по нашей стране философский снаряд коммунизма! До сих пор страна в развалинах.

Кречет чуть задержался, раздавая указания Марине и Мирошниченко, а мы в кабинете Кречета стояли группками, беседовали важно и степенно, не решаясь рассестись в отсутствие хозяина. Все, что в руках, положили каждый на своем месте: допотопные пухлые папки из крокодиловой кожи, новейшие ноутбуки, блокноты с вензелями и двухголовыми уродами...

Коломиец в паре со Сказбушем прохаживались взад-вперед под стеной, откуда строго смотрели великие предки, почему-то начиная с Дмитрия Донского, поджарого и мускулистого, хотя из любой летописи известно, что князь был зело дороден и даже на коня взбирался с помощью трех дюжих гридней, и кончая генералом Грозовым, тоже поджарым, мускулистым и с воинственно выдвинутой вперед нижней челюстью.

Глава 3

Появился Черногоров, министр МВД, низкорослый, живой, быстроглазый, но очень осторожный в словах и движениях. На каблуках, которые с каждой неделей становятся все выше, постоянно вытянутый, даже волосы зачесывает, как у Элвиса Пресли, чтобы казаться выше ростом. Бросил на стол папку с бумагами, хлопнула так, словно взорвалась граната.

Все оглянулись в полной готовности броситься на пол, избегая осколков. Один Коган независимо уселся за стол, но и он вскочил, когда дверь открылась, вошел Кречет, высокий и широкий, не по-президентски стремительный, полный силы, что противниками охотно трактуется как недостаток государственной мудрости.

– Еще раз всем доброе утро, – сказал он отрывисто своим неприятным металлическим голосом. – Прошу садиться... Что вы, в самом деле, как школьники? Вон даже наглый Коган...

Правительство осторожно рассаживалось, каждый на свое место, на Кречета поглядывали с опаской. Хоть и шутнул, но, кто знает, не попасть бы под горячую руку. После неудавшегося переворота вернулся еще злее, по армии и в верхах прокатилась волна чистки. Неофициальной, но многие уволены, другие ушли сами, а кое-кто и вовсе исчез бесследно.

Кречет кивнул Краснохареву:

– Как продвигается бюджет?.. Хотя бы вчерне?.. А, Виктор Александрович! Давненько вас не видели. Чем порадуете в это хмурое утро?

Я развел руками. Видел меня Кречет позавчера, но при нашем темпе это в самом деле давно. Краснохарев бросил на меня просительный взгляд: займи пока этого зверя, а я подготовлю бумаги, у меня их тут целый чемодан, разберусь. Я начал негромко:

– Закон об оружии... даже не закон, а пока только ваш указ... уже действует! Я утром видел, как сегодня один мужик чуть не застрелил другого. Тот раньше его пытался пролезть к прилавку.

Кречет зыркнул из-под тяжелых надбровных дуг, больше приличествующих неандертальцу, чем президенту:

– Да вы же ратовали горячее всех за свободу продажи оружия!.. Вот такая у нас интеллигенция: чуть своего добьется, тут же поворачивает оглобли. Но меня вы ж убедили? Хотя во все времена правители были против вооружения народа. Понятно, безоружных грабить проще. Даже те, кто к власти рвался под лозунгом разрешить свободную продажу хоть пулеметов, тут же запрещали продажу даже детских рогаток, едва опускали жирный зад в царское кресло.

Коган оглянулся на кресло Кречета:

– Но вы вроде бы уже опустили...

– Черт... – сказал Кречет уже спокойнее, – наверное, я все еще чувствую себя в оппозиции к власти. А интересы страны пока что... пока что!.. перевешивают личные. Да и хорошо знаю, что как только в какой-либо стране – примеров сотни! – принимали закон о свободной продаже оружия, то количество преступлений сразу падало в три-четыре раза.

Сказбуш усмехнулся саркастически:

– Я часто бывал по работе в Штатах. Вся их хваленая вежливость и предупредительность, все их улыбки – это следствие того, что у каждого в кармане может оказаться заряженный пистолет. Никто никого не толкнет, не нахамит, не облает. Улыбаются издали!.. А я прошел вчера вечером по Тверской: ни одного улыбающегося лица! Одни угрюмые рожи, даже у красивых женщин. Да какие они красивые, если угрюмые?

Коган сказал мечтательно:

– Да, ради этого стоит... Так и запишем: вооружим народ, чтобы разугрюмить наших женщин.

Сказбуш буркнул:

– Не надо умничать, Сруль Израилевич. Когда у женщины в дамской сумочке пистолет, она сможет носить юбки еще короче, а декольте глубже. И никакая пьяная тварь не рискнет свистнуть вслед. А уж протянуть лапы... Такие быстро протянут ноги.

Кречет сказал:

– А суд присяжных ее тут же оправдает.

Коломиец воскликнул в ужасе:

– Как вы можете... Как вы можете говорить такие ужасные вещи?

– Вслух, – вставил Коган ехидненько.

– Нужно только, – продолжал Сказбуш невозмутимо, – подбирать присяжных из мужчин. Ну, не слишком в преклонном... чтобы реагировали.

Справа от него словно взорвалась граната, это мощно кашлянул Краснохарев. Все умолкли, уставились на премьера, а глава правительства оглядел всех правительственным взором и сказал внушительно:

– Так вот, о подготовке бюджета на следующий год. Работа проделана следующая...

Я некоторое время слушал, но вскоре тягучий монотонный голос начал действовать усыпляюще, я смотрел то поверх головы Краснохарева, то рассматривал членов кабинета. Мысль тоже блуждала вроде бы бесцельно, подбирая какие-то незримые крохи, что-то вынюхивая, перепрыгивая через обломки очевидных фактов, яростно роясь на пустом месте, земля летит из-под задних лап, как из трубы земснаряда, снова длиннющий прыжок через темное место, пусть Краснохарев продвигается шагком за шагком...

Черногоров с раздражением перебирал бумаги, вдруг сказал среди тишины:

– В Штатах нет преступлений, потому что там всяк страшится за жизнь. Они покупают оружие, хранят в особых несгораемых шкафах... а стреляют на пикнике только по бутылкам из-под пепси-колы!.. А если оружие пойдет так же широко у нас, то... не знаю – не знаю! Русские не станут тратить патроны на пустые бутылки.

Сказбуш выпрямился, и без того прямой, как телеграфный столб, светло возразил:

– А Чечня? Там жизнь не ставят и в грош, но все равно никто не шмалает друг в друга. Я бывал там, бывал. Никто не стреляет в другого только за то, что тот наступил на ногу или посмотрел косо.

Черногоров огрызнулся еще злее:

– Не знаю! Может быть, страшатся кровной мести. Но у русских нет сдерживающего страха за свою жизнь, нет мести со стороны родни убитого. У нас такое начнется!

– Чечня нам не указ, – сказал Краснохарев раздраженно. – В такой крохотульке даже коммунизм можно было отгрохать за пару недель!.. А нашу махину попробуй раскачай!.. А когда указы из Москвы дойдут до, скажем, Сибири, то во что они превратятся?

Коган сказал задумчиво:

– Вот бы научиться и расстреливать по факсу...

Сказбуш холодно посмотрел на чересчур умного министра финансов:

– Что-что?

– По сотовому телефону, – поспешно поправился Коган. – Говорят, у билайновцев связь лучше.

Сказбуш потыкал пальцем в клавиши ноутбука, бормоча:

– Так... проверить правительственных чиновников... независимо от ранга... ага... на предмет скрытой рекламы богатеньких фирм...

Клавиши щелкали, словно затвор именного «нагана». Коган втянул голову в плечи, уменьшился, а стул, на котором он только что сидел, опустел.

Кречет молча поставил на бумаге размашистый росчерк, передал Мирошниченко:

– Закон вступает в силу с момента подписания. Раз оружейные магазины оказались не готовы... или кто-то тормозит нарочито, то вот это дает право военным продавать оружие

прямо со складов. Разумеется, устаревшее. И только пистолеты и винтовки. Конечно, при наличии всех справок о здравомыслии и несудимости.

Я видел, что против этого резкого решения Кречета рвется возразить не только Черноголов, ему, как министру МВД, расхлебывать все случаи незаконного применения оружия, но и такой голубь, как Коломиец, хитрая ворона Коган и даже откровенный ястреб Сказбуш.

Один Краснохареv пропустил мимо ушей указ президента с полнейшим равнодушием. Глаза в набрякших веках просматривали бумаги с гербовыми печатями, мясистое лицо выражало откровенное неодобрение. Перехватив мой взгляд, сказал суховато:

– Я, простите, экономист. А законы экономики одинаковы для всех стран и народов. Меня не убеждает ваша гипотеза... ладно, ваша теория о чести и нечести для подъема благосостояния. Сейчас, когда освободились от ига коммунизма, можем соревноваться с американцами на равных. Не привлекая такие понятия, которые нельзя просчитать с помощью логарифмической линейки. Ладно, пусть на ваших чертовых компах! А если учесть, что у нас намного больше нефти, газа, золота...

Он говорил чуть ли не просительно, уже замечая меня, хотя в предыдущие дни осторожно игнорировал. То ли, как опытный политик, сперва прощупал, насколько мое положение в правительстве прочно, то ли в самом деле начинал со мной считаться.

Сердце мое тревожно и радостно екнуло. Склонить Краснохарева или хотя бы качнуть слегка на свою сторону – за это стоит побороться. Я ответил тихо, стараясь не привлекать внимания других:

– Иллюзию, что можно соревноваться с американцами на их поле и по их правилам, распространяют сами американцы. И даже что их можно побить на их поле. Конечно же, это брехня.

– Почему?

– Потому, что на наших ногах всегда будут висеть остатки цепей нравственности, чести и других понятий, что в Старом Свете существовали тысячелетиями, а в Новом Свете их не было изначально! А бизнес не терпит нравственности. Потому мы в бизнесе всегда окажемся в проигрыше, если будем играть с американцами. Они всегда смогут поступить подлее, бесчестнее, гаже... что мы все-таки не сможем, несмотря на приобщение к их ценностям. У нас все-таки во все века существовало правило: не бить лежачего, не бить в спину, не бить ниже пояса... А американцы сразу приняли все эти штуки вроде карате, где бьют и в спину, и ниже пояса, а лежачего даже ногами, а то и вовсе впятером одного! Понятно, на чьей стороне будет победа, когда один соблюдает какие-то правила, а второй – нет!

Он сказал, защищаясь:

– Но можем и мы...

Я покачал головой:

– Не сможем. Даже если будем придерживаться всех этих правил... все же при ударе в спину рука русского чуть дрогнет или влупит не в полную силу, как ударил бы американец. Выгляните в окно! Вон по улице идут старики, что в войну стеснялись кланяться пулям. Они и в атаку шли во весь рост! Прямо на пулеметный огонь. Глупо или не глупо – это другой вопрос. Но нас от этих стариков отделяет слишком мало времени, чтобы сразу вот так забыть все и начинать жить по-американски. Наши солдаты и в Чечне гибли нередко потому, что стеснялись чересчур тщательно прятаться, маскироваться. Мол, как бы не подумали, что трусят.

– Зря, – сказал он убежденно.

– Зря, – согласился я.

– Зато вернулись бы живыми!

– Точно, – согласился я снова. – Но они и в бизнесе будут гибнуть так же, массами! Степан Викторович, мы с вами на одной стороне баррикады. Оба хотим процветания своему

народу. Но сказочку про одинаковые законы бизнеса для всех народов придумали и запустили по свету сами американцы. Чтобы все начали играть в игру, где они заведомо сильнее. Если законы одинаковы, то почему не столь богаты остальные мексиканцы, гватемалы? Все возникли чуть ли не в один день с США. И капитализм тот же...

Он отодвинулся, смотрел подозрительно:

– И почему же, позвольте узнать?

– А вы не слышали, бывая там, в США, ихнюю поговорку: «Горд, как мексиканец»? В ту часть континента понаехало слишком много знатнейших идальго, отпрысков высших фамилий, там кабальеро сидел на кабальере и кабальерой погонял. А когда колонии отделились от метрополий, то лесорубы и скотоводы северной части быстрее приспособились, чем аристократы южной. Слишком уж там помнили о чести, о достоинстве. Не то что простые мужики, создавшие США, которые не стеснялись по плечу сунуть руку в дерьмо за оброненной монетой, да еще и пошарить на случай, если кто обронил пару монет раньше.

К нашему разговору уже прислушивались, что неудивительно: глава правительства изволил советоваться с нанятым футурологом. А футуролог – это нечто экзотичное, вроде гадающей цыганки или очередного мессии, который видит насквозь статую Свободы, но не зрит фигу в кармане.

Коломиец поморщился:

– Что за язык у футурологов...

Краснохарев воспользовался случаем, чтобы сделать вид, будто все его внимание приковано к бумагам, но я видел по его щеке, что премьер все слышит и замечает.

– То, – сказал я, – что противниками преподносится как тупость, на самом деле неосознанная защита здорового организма против инфекции... Но все же, как говорит тот же министр обороны, не зная, как сосчитать пальцы на правой руке и не умея сосчитать на левой, надо найти в себе смелость держаться! Надо выстоять. Как стоит на своем тот же Восток.

Краснохарев в тишине пошуршал бумагами, он-де занят важными государственными делами. Дверь отворилась, Забайкалов вошел царственно, словно к подданным, ни дать ни взять император или министр иностранных дел Сообщества Галактических миров, Кречет тут же поманил его к себе, уединились в дальнем конце кабинета, беседовали вполголоса, а здесь только Коломиец пробормотал в настороженном молчании:

– Ну, у Востока десять тысяч лет цивилизации, восемь тысяч лет письменности...

Я удивился:

– А кто вчера в коридоре доказывал, что мы не то древние арийцы, не то египтяне... нет, это мы египтян грамоте учили, каналы им рыли, пирамиды строили... Мы гиксосы, да? Вот и гиксосьте дальше. С нашей древней культурой гиксосов да поддаться какому-то Западу, который еще на деревьях сидел, когда мы уже египтян грамоте учили?

Коломиец сказал нерешительно:

– Восток будет очень удивлен...

– Тем более, – вставил Коган очень серьезно, – что гиксосами были, судя по нынешним учебникам Украины, хохлы из Запорожья.

– Восток мудр, – возразил я. – Он видел, видел... Улыбнется детской выходке, вполне понятной, и... смолчит. Ведь это для поддержания духа нашего народа! На общемировые факты не влияет, древней истории ни тепло ни холодно. А вот современную изменить можно. Если надо, можно организовать пару могучих рецензий за подписью академиков, что, мол, Велесовы книги – подлинные, как в свое время доказали, что «Слово о полку Игореве» тоже подлинное...

Коломиец ахнул:

– Вы что же это? Да как вы можете? И Велесовы книги – подлинные, и «Слово» самое расподлинное!

Задыхаясь от возмущения, он обратил горящий взор к отцу нации. Кречет, оставив министра иностранных дел просматривать бумаги, уже прохаживался, по своему обыкновению, совсем не строевым шагом, мыслил, по крайней мере двигал жесткими, как ребра бронетранспортера, складками на лбу. На вопль министра культуры глубокомысленно буркнул:

– Что верно, то верно.

– А что... что верно?

– Важен результат, – изрек он. – А подлинник или не подлинник... Да какая разница? Главное, свое дело делают. О них говорят, пишут, спорят. А это лучше, чем когда наши дурни бьют друг другу морды из-за загадок письменности майя или ацтеков!

Коломиец ахнул громче:

– Как вы можете такие слова... Да это же кощунство! Так о нашей святыне? Мы наконец-то получили подтверждение... неоспоримое подтверждение!..

Коган громко молчал. На его хитрой жидовской харе было крупными буквами написано о кумранских летописях, о Библии и фараонах, о походах и битвах древнего Израиля, подлинность которого не надо доказывать подозрительными деревянными дощечками.

Забайкалов с того конца стола пророкотал неспешно:

– С точки зрения политика... гм... древние песни Оссиана способствовали подъему и даже сохранению ирландской нации. А песни древних чехов сохранили их как народ. А когда лет через двести обнаружилось, что все то подделки, то дело было сделано.

– Вот видите, – сказал Кречет довольно.

Коломиец с отвращением оглянулся на циничного министра иностранных дел:

– Как вы можете... От этого человека веет таким прагматизмом, таким отсутствием культуры и культурных ценностей!

Забайкалов буркнул:

– Брехня. Только вчера жена притащила японский торшер за полтыщи баксов! Чуть не прибил, а она: надо, мол, культуру в дом... Не объяснишь дуре, что министру иностранных дел не нужна чужая культура!

– Да и своя ни к чему, – невинно добавил Коган. – Главное, чтобы костюмчик сидел. Теперь это зовется имиджем.

Глава 4

Мирошниченко неслышно раскладывал бумаги перед Кречетом, исчезал, снова приносил целые ворохи. Глаза его покраснели, словно после бессонной ночи, кончик носа распух и побагровел, как перезрелая редиска.

– Кречет замучил? – пророкотал Забайкалов сочувственно.

– Да нет, все нормально.

Коломиец кивнул в мою сторону:

– Это все Виктор Александрович виноват.

– Верно, – согласился Коломиец. – Ислам из кого угодно душу вымотает.

– Да нет, это не ислам. Просто пристрастился к Интернету, как к наркотику.

Забайкалов кивнул понимающе:

– Понятно. Голых баб смотришь. Там этих порносайтов видимо-невидимо! В какой баннер ни ткнешь...

Мирошниченко отрезал:

– Все, что угодно, только не голых баб.

Забайкалов удивился с неспешностью сползающего с гор Скандинавии айсберга:

– Что так?

– Да так, – отрезал Мирошниченко.

Когда он отошел на другой конец стола, раздавая листки с гербовыми печатями с легкостью опытного картежника, Коломиец наклонился к уху Забайкалова, сказал укоризненно:

– Вы уж проявите деликатность, пожалуйста! Это у него больное место.

Забайкалов удивился:

– Голые бабы? Никогда за ним не замечал...

– Да он и не был замечен... Но вот на той неделе он подзадержался на работе, то да се, потом какой-то важный материал через Интернет скачивал... А в конце там была антивирусная программа, он ее запустил, на свою голову, проверил, вздохнул с облегчением, все в порядке, вирусов нет... А в конце, когда обычно дают рекламу и предлагают купить новые программы, появилась надпись: если, мол, хотите посмотреть Ким Бессинджер обнаженной, то нажмите десять клавиш по вашему выбору и держите. Ну, у него как раз десять пальцев, нажал, держит... В самом деле, появилась блистательная Ким, говорит: если, мол, отпустишь хоть одну клавишу, то начинаю формат всего диска, а затем – перезагрузка...

Забайкалов присвистнул:

– И что же он, всю ночь на нее глядел?

– Когда утром пришли на работу, видели, как он ногой пытается вытащить шнур из розетки. Нос распух, видать, пробовал резетнуть, но вы ж знаете, какая там крохотная кнопка! Сейчас даже на женщин-депутатов смотрит зверем.

Он вздрогнул от могучего голоса Кречета:

– Степан Бандерович, все сплетничаете? Уже сообщили прессе о переменах в вашем министерстве? Русскую интеллигенцию надо ублажать, она и так всегда и всем недовольна.

– Нет еще, – ответил Коломиец виновато.

Взгляд Кречета скользнул по наручным часам:

– Странно, вы хоть строем и не ходите, но человек с виду умный и быстрый...

Коломиец сказал еще удрученнее:

– Моя вина. Я попросил другого телеинтервьюиста!.. Они было направили ко мне этого... ну, который свои морды на все заставки всобачивает. То с мудрым видом очки снимает, то мыслит, то устало лоб морщит над государственными проблемами, будто это он решает, а мы

под ногами зачем-то путаемся... А когда берет интервью, то всегда видно, что вот он, великий и мудрейший, о чем-то снисходительно разговаривает с каким-то министришкой культуры...

Кречет зло хохотнул:

– Или президентишкой. Знаю-знаю. Эти холопы так пользуются самостоятельностью прессы.

– Вот я и попросил заменить, – заспешил Коломиец. – Но там уперлись, мол, у них своя специфика. Я тоже не могу, это ж урон нашему кабинету. Вот и торгуемся.

Кречет побагровел:

– Торгуетесь? Разве не вы – министр культуры? А значит – и телевидения, газет, типографий, мать вашу... Мне что, батальон спецназа с вами послать?

Коломиец отшатнулся:

– Нет-нет, зачем же? Мы же все-таки культурные люди, хоть уже и наполовину американцы. Я их так, словом, словом...

Но по роже было видно, что даже министру культуры всякий вопрос хочется решить быстро и проще. А что может быть проще, если взять с собой этих крутых парней в краповых беретах?

Сказбуш оторвал взгляд от экрана ноутбука, лицо стало злым и жестким. Громко постучал карандашом по столу, привлекая внимание:

– Господин президент, прошу внимания. Только что получено сообщение... Четверть часа тому в сенате США заявили, что в сферу их интересов входит отныне и озеро Байкал. В силу его уникальности, естественно, ценности для всего земного шара. Как вы помните, на Урал для проверки реакции России уже съездила жена президента США...

Краснохарев буркнул:

– Куда черт не сумеет, туда бабу пошлет. А потом уже и морскую пехоту.

Сказбуш строго постучал карандашом:

– Я еще не закончил, дело серьезное. А минуту назад и государственный секретарь США сделал сенсационное заявление, что президент разрешает своим разведывательным самолетам проходить, при необходимости, над территорией России. Заявление снабжено целой кучей оговорок: самолеты-де не будут военными, оружия при себе нести не будут, угрозы никакой... Ну, обычные слова, чтобы успокоить тех, кого встревожит, помимо России. Как видим, сперва добились полетов над территорией Ирака, теперь пришла очередь России...

– Кто следующий? – спросил громко в звенящей тишине Коломиец.

Дверь заскрипела, в кабинет боком вдвинулся Яузов. Исхудавший, бледный как смерть, он был по-петушиному с выпуклой грудью, словно, помимо бинтов, туда подложили трехлитровую банку с огурцами. Вместе с ним в стерильно чистый воздух кабинета вошли запахи больницы.

Кречет зыркнул исподлобья, то ли потому, что Яузов был в числе главных заговорщиков, то ли из брезгливости здорового к больному.

– Какого черта? – осведомился он раздраженно. – Здесь что, лазарет?

Коломиец поспешно вскочил, он ближе всех, указал министру обороны на стул и даже попробовал помочь сесть человеку, который выглядел ненамного лучше всей армии. Яузов с неудовольствием отстранил чересчур услужливого министра культуры, поморщился от резкого движения.

– Ага, – сказал он, опустившись, – и до вас дошло? Надо только, чтобы следующего не было. На России обломали зубы многие. Подавится и Америка...

Кречет посмотрел на генерала, перевел взгляд на Сказбуша:

– Как же так?.. Если заявление было сделано только четверть часа тому, то из больницы до Кремля без малого сорок минут!

Яузов победно ухмыльнулся, а Сказбуш поморщился:

– Только и того, что его гэрэушники успели заглянуть в подготовленный документ раньше моих людей. Но это заявление госсекретаря у меня на столе лежало в распечатанном виде за час до того как!..

Кречет вскинул руки, успокаивая генералов:

– Тихо-тихо! Я думаю, что подобную утечку информации они организовали нарочито. Даже подсунули под нос вашим подслеповатым разведчикам бумаги с крупными буквами. А полетят ли самолеты над Байкалом в самом деле, будет видно из нашей позиции.

Коломиец предложил:

– Давайте объявим, что зоной наших интересов является Калифорния.

– На каком основании? – осведомился Яузов.

– А что, нужно основание? Ну, тогда... Калифорнию открыли и заселили русские. Она и звалась раньше Русской Америкой. Там и сейчас русские живут. Раньше мы о них молчали, они ж советскую власть в упор не видели, а теперь можно потребовать вернуть Калифорнию взад. Э-э, в состав России! А что? Такие же основания, как им летать над Уралом или бомбить Ирак... Даже больше!

Сказбуш проронил холодно:

– Боюсь, что сочувствия такое заявление не вызовет.

Кречет сказал с тоскливой яростью:

– Еще бы! Мы просто опередили наше тупое большинство в осознании одного, вообще-то, простенького факта. Остальной народ еще прет по инерции. Мы ведь все вышли из американизма... Есть такое слово? Тогда придумайте! Когда нас тащили силой в коммунизм, мы упирались и с надеждой смотрели на Америку. Тогда не видели, что это всего лишь тупая сила, которая не хочет не только коммунизма, но и вообще культуры, не желает уметь, смотреть на звезды. Но наши вожди надорвались, силой не затащишь даже в рай, коммунизм на какое-то время похоронен... надеюсь, надолго. А народ все еще по инерции кричит, что Америка – это хорошо, перенося хорошие качества борца против коммунизма вообще на жизнь... можно так сказать?

Коломиец отмахнулся:

– Вам все можно, Платон Тарасович!

Кречет посмотрел с подозрением:

– Что вы имеете в виду?

– Ваша малограмотность компенсируется искренностью, – сказал Коломиец с очень простодушным видом. – Народ это любит. Вы – народный президент!

Кто-то хихикнул и тут же сделал строгое лицо, зашуршал бумагами. Кречет засопел:

– Что вы какие-то с утра несерьезные.

– Так ведь суббота.

– Не воскресенье же, – огрызнулся он. – Кстати, завтра с утра чтоб все здесь! Я из вас шахтеров сделаю. Словом, мы уже поняли, что из себя эта Америка... коммунизм перед нею овечка! Если коммунизм пытался затащить в ускоренном темпе на вершину сверкающей горы, то Америка тащит в болото, на самое дно болота. А почему должны выбирать только между вершиной или болотом?.. Словом, завтра с утра чтоб были готовы варианты ответа на это заявление.

Коган вздохнул:

– Вот тебе, бабушка, и выходной...

А мудрый Краснохареv попытожил:

– Для нас воскресенье, что для коня свадьба: голова в цветах, а задница в мыле.

На столе перед ним мелькнули белые руки Марины, появилась его огромная чашка с павлином на боку, коричневая жидкость мощно колыхала высокую пену. Сшибающий с ног запах кофе растекся по кабинету. Коломийцу поставила вторую по размерам чашку, остальным

– стандартные, бывшие цековские, с серпами и молотами на выпуклых боках, только перед Язузовым Марина опустила стакан с соком.

Черногоров с тоской посмотрел за окно, где день удался на редкость ясный, чистый, солнечный.

– Черт, иудаизм принять, что ли? Тех, по крайней мере, по субботам вкалывать не заставляют. Правда, вот обрезание...

– Да, – поддакнул Коломиец, – а то обрежут так обрежут! Такое для прикола оставят!

Сказбуш кивнул на Когана:

– Зря размечтались! Вон Коган вкалывает и в субботу.

– Предатель, – веско сказал Краснохареv. – Как предал свою жидовскую веру, так и нашу советскую, тьфу, православную... э-э... теперь уже магометанскую предаст. Даже жидовскому Отечеству надо служить не ради живота, а за... черт, с этой рыночной экономикой и слова высокие забыл! А раньше такое с трибуны мог... Так что же у нас с бюджетом, Сруль Израилевич?

Коган развел руками:

– Так ведь лето еще! Ну, почти лето. Мы уж как-то привыкли по нашей расейской привычке в последний день года... А если раньше, то вроде бы на Запад равняемся, что опять же урон национальному престижу...

– Это вы мне бросьте, – сказал Краснохареv веско. – В вашем Израиле принимают бюджет осенью? А я читал одного историка... а может, не историка вовсе, а вообще футуролога... что иудеи – это одно из племен русов. В древности заблудились, адиёты, забрались на Восток и там одичали, постепенно забыв язык, веру и Отечество. Так что Запад тут ни при чем. Хотя бы черновики есть?

– Есть, – бодро ответил Коган, – у нас все есть, даже кофейные чашки для левшей. Вам по отраслям или, так сказать, с высоты вашего птичьего полета?

Взгляд Краснохарева был тяжелее его самого, раздавил министра финансов, размазал по стенам, разбрызгал:

– Это на что же вы намекиваете, Сруль Израилевич? Что я невысоко летаю?

– Что вы, что вы, – испугался Коган. – При попутном ветре, да когда перо в... Ах да, мы же избрали для страны встречный ветер! Чтоб сразу высоту небывалую, догнать и перегнать, Империю Зла в землю по уши... или по ноздри...

– Что совой о пень, что пнем о сову, – буркнул Краснохареv. – Коровы тоже летают. Но высоко, потому и не видим.

Он разложил перед собой бумаги, заняв площадь с половину футбольного поля.

– Простите... чем?

– Коганом, – пояснил Краснохареv язвительно. – А не тем, чем вы подумали. Что, впрочем, одно и то же...

Он хохотнул, довольный, а хитрый Коган, добившись хорошего настроения главы правительства, быстро разложил перед ним бумаги, отпечатанные крупным шрифтом, уже знает о прогрессирующей дальнзоркости Краснохарева, знает его биологический цикл, посоветовался с его личным врачом.

Единственные, с кем Коган никогда не советовался, – астрологи, шаманы и всякие там ясновидцы. Может, потому, что вера иудеев запрещает гадания. А скорее, потому что Кречет ухитрился подобрать в кабинет не льстивых дураков, а все-таки неглупых профессионалов.

Глава 5

Я все еще временами чувствовал себя странновато, не на месте. Понятно, что на каждого вельможу по толпе челяди, и чем вельможа выше по рангу, тем челяди больше. На самых верхах у вельмож челяди столько, что они сами уже не знают, чем заняты.

Если повара готовят жарчку, медики закупают целые институты для обслуживания одного-единственного человека – президента, то я чувствовал себя не то наемным менестрелем, не то шутом. И когда все горбатились над законами, указами, проектами, кодексами, я бродил как дурак по кабинетам, только что не копался в носу. Коган ехидно величал меня серым кардиналом, а иногда, забывшись вроде бы, обращался ко мне как к Суслову, идеологу последних десятилетий советской власти. Но я-то знал, что, в отличие от твердокаменной идеологии тех лет, у нынешнего правительства идеологии пока что нет, а есть только жажда удержать страну на плаву...

И пока что никто не знает, как надо, понятно только, как не надо, да и то... Чистая душа Коломиец напирал на опыт предшественников, мол, что люди во все века те же, меняются только одежды. Даже не знаю, говорит ли в нем лень, нежелание что-то понимать и изучать. Все-таки проще одеть на нынешнего слесаря мундир лейб-гвардейского офицера и полагать, что вот уже знаешь жизнь восемнадцатого века. А ныне вроде бы боевой генерал после провала защиты Белого дома не только не застрелился, как поступил бы лейб-гвардеец, но смиренно отсидел символический срок, поцеловал туфли победителя и принял где-то в провинции доходную должность!.. И все по-прежнему подают ему руку, мир теперь таков: что генерал, что слесарь... Не говорю, что плох. Просто мир теперь таков.

Или же Коломиец повторяет как попугай... ну, насчет смены одежды – вообще-то любой народ состоит на 99% из попугаев, только у людей это зовется звучным словом «конформизм», – совершенно не вдумываясь в смысл. Таких псевдомудрых откровений масса, они прижились только потому, что звучат красиво, глубокомысленно. В обществе себе подобной полунинтеллигенции можно ронять эти сентенции, и все довольны, ведь на самом деле такие же чиновники 14-го класса, претендующие на звание тайных советников.

Когда я намекнул Коломийцу, он ошетинился:

– Назовите хоть один пример такого глубокомысленного откровения!

– Да хоть сто, – ответил я любезно. – Вы только что брякнули, что без знания прошлого нельзя знать будущее. Вы в самом деле уверены, что знание прошлого хеттов... или даже Древней Руси, что к нам совсем близко... даже знание прошлого времен Екатерины Второй как-то поможет разобраться с проблемами Интернета, экологических катастроф, добычи нефти или конфликтов с применением ядерного оружия, узнать будущее компьютеризации и космических полетов?

Коломиец открыл рот, складки на лбу углубились, лихорадочно ищет ответ, а всеслышащий, как Моссад, Коган злорадно:

– Зато звучит как красиво! Глубокомысленно! Можно повторять и повторять, и всякий раз вид будет мудреца, и никто не плюнет хотя бы под ноги. Это же надо: без знания прошлого... Да, сразу видно, Россия – страна непуганых идиотов.

– При чем тут Россия? Я впервые встретил это изречение в трудах Экклезиаста!

– Русский! – заявил Коган уверенно. – Тогда русские бежали от репрессий Колокская. Они всегда бежали... Если вашим филологам дать эту жидовскую фамилию, то сразу найдут русские корни. Слонов же нашли?

Снова появилась Марина, на подносе кофейник и две чашки, кто-то заказал помимо меня. Остальные закрутили носами, как охотничьи псы, почуявшие бодрящий запах убегающего зайца.

Милое лицо Марины слегка припухло, под глазами наметились мешки, а на щеках косметики было больше обычного. Как и все женщины, старается как можно дольше выглядеть молодой. Мы все изо всех сил не замечаем мелкие морщинки у глаз, только жизнерадостный Краснохарев сочувствующе бухнул с носорожистой грацией:

– Ребята, а что я нашел от увядания кожи!.. Шесть литров пива на ночь, и утром ни одной морщины!

Марина, что начала было с надеждой прислушиваться, фыркнула и удалилась, в отместку вроде нечаянно задев Краснохарева подносом по уху. Я с наслаждением отхлебнул горячего, по горлу прокатился колючий еж, живительная волна пошла по телу.

– Многие годы, – сказал я, – наши умные головы строили коммунизм, светлое будущее всего человечества! Уже каждому грузчику было видно, что ни хрена не получается и не получится, а они все строили, строили, строили... Разрыв между благородной идеей и реальной жизнью наконец оказался так велик, что наконец все разом и страшно рухнуло...

Я говорил в пространство, ни к кому не обращаясь. Все заняты конкретными делами, только у меня его нет, или же мое конкретное в том и есть, что говорю вот так, бросаю урожай просто на ветер, в надежде, что какие-то зерна попадут не на камни, а в щели между ними, прорастут, не сгинут, а при удаче дадут семена. Кто-то из министров услышит краем уха, у кого-то в подсознании отложится словцо, идея, мысль, а то и просто останется заноза, заставит вернуться и подумать еще разок над вроде бы привычным...

Коган оторвал взгляд от экрана, спросил подозрительно:

– Это вы к чему такую преамбулу?

– К тому, – ответил я с готовностью нанятого шута, – что сейчас подобное же светлое будущее всего человечества строит Европа, а с ней и Россия. Не замечая, что и эта благородная химера от реальной жизни отделилась, отделилась невероятно!.. Я говорю о нашей юриспруденции. В частности, Уголовном кодексе. Уже любому грузчику понятно, что благородные идеалы коммунизма... то бишь отмена смертной казни, содержание преступников в тюрьмах-санаториях – это бред, что далек от реальности. И чем дольше будут делать вид, что этот вид коммунизма устоит, тем страшнее будет катастрофа. Я уже присматриваю за работой над новым кодексом, но пока разработают и примут, хорошо бы, чтобы кто-то проследил, чтобы как можно быстрее... прямо с сегодняшнего дня начали создаваться суды присяжных!

Коломиец воскликнул невольно:

– Но это же... ужасно! Если простой народ будет судить, кого сажать, кого расстреливать, то у нас фонарных столбов не хватит для повешенных!..

– На балконах можно, – предложил Коган. – Мне дед, кстати потомственный москвич, рассказывал...

Я с неудовольствием признался:

– Перегибы будут. Но с другой стороны, как завоевать доверие народа быстро и надежно?.. Ведь народ, который верит своим вождям, тот и работает лучше. И пьет меньше. И страну защищает по-настоящему, а сейчас кому она нужна?.. Мы не то что от Чечни, от племени тутси не отобьемся, если вдруг захотят захватить всю Россию. Если не хотим, чтобы мы и народ были отдельными категориями... я выражаюсь ясно?.. тогда надо привести в соответствие нормы права с нормами общества. Понимаю, сейчас даже вы на меня всех собак спустите, но если во всем западном мире дикость... то у нас она удешевленная, устократненная. Чечня так прекрасно дралась потому, что у нее, как у нас еще при князе Святославе, нормы права совпали с нормами народа.

Краснохарев нахмурился:

– Я не успеваю за вашей мыслью. Вы ведь не практик, а теоретикам свойственна этакая прыть необыкновенная в мыслях.

– Для... – я сделал паузу, пояснил: – Для Краснохарева поясняю. Когда в Чечне под прицелом телекамер расстреляли по суду шариата убийц и насильников, то во всем мире поднялась буря возмущения. Но вы слушали этих людей? Я слушал наших депутатов и следил за их лицами. Как они красиво и книжно клеймили это средневековье! А придя домой, каждый... да-да, почти каждый, наверняка девяносто девять процентов!.. говорил дома, на кухне, жене и собаке, что как бы здорово такое же в Москве! Тысячами надо бы к стенке...

По их смущенным лицам видел, что и они дома, на кухне... Краснохарев помялся, сказал с неудовольствием:

– Странные вы речи ведете, Виктор Александрович! Одно дело думать, другое – говорить.

– Мы ж политики, – подтвердил понимающе юркий Коган.

Краснохарев посмотрел холодно:

– Мало ли что я о вас, Виктор Александрович, думаю... да и сам не хотел бы прочесть ваши мысли обо мне, честно скажу. А вот в поведении мы все здесь люди корректные, даже вон Коган временами... да, временами. Так и с законами! Мало ли что мне хочется, а поступать надо... э-э... как надо.

Они переглядывались,

– А как надо? – спросил я. – Сейчас юриспруденция оторвалась в такие заоблачные высоты, что у нас теперь два закона: по одному – преступника надо холить и лелеять, не дай бог синяк при задержании, обеспечить ему адвокатов, суд в полном составе, санаторные условия в тюрьме, а потом центр реабилитации с курортным режимом! Это в нашей-то голодной стране! А по другому: стрелять всех к чертовой матери. Только первый, абсолютно оторванный от жизни, почему-то имеет силу, а второй, который поддерживает весь народ, включая слесарей, инженеров и академиков, остается в пожелании. Вот и имеем общество, где всем на все наплевать, потому что народ видит, что власть в стране... да и в Западной Европе захватили какие-то марсиане, проводят какую-то странную политику...

Кречет крякнул, сказал с двусмысленной улыбкой:

– Нашим юристам, в самом деле, планы всемирного коммунизма бы строить! Я говорю о юристах всего Запада. Так же прекрасно и оторвано от жизни. Но в России так привыкли каждый шаг сверять с Западом, что сами уже в соплях путаемся. Когда говорят об общепризнанных нормах, то, само собой, имеются в виду нормы Запада. Виктор Александрович сослался на расстрел в Чечне, но это только потому, что для нас новинка – как же, в цивилизованной России! – хотя на самом деле по всему Востоку, а он постарше, побольше и даже побогаче крохотной Европы, ставят к стенке даже за воровство. Потому там воруют раз в столетие... Да, приняв законы Запада, мы вбили клин между властью и народом. Если же начнем расстреливать бандитов, то народ, конечно, поймет и одобрит, а вот интеллигенция...

– Повопит, – сказал я быстро. – Но только друг перед другом. Я ж говорю, каждый интеллигент сам бы стрелял... нет, конечно, сами ручки марать не изволят, но жаждут крови! А поговорят только из комплекса псевдообразованности. Чтоб Европа вдруг да не думала, что в России все такие дикие, Камю не читают... Просто, мол, в дикой стране живут, где правят всякие самодуры-кречеты. Но, голову даю на отрез, на самом деле такую резню примут с удовольствием. А мы получим поддержку всего народа. Не нынешнюю, пассивную, а... реальную!

Коган поежился:

– Погромы будут?

Краснохарев покосился рассерженно:

– Как вам все нейдет! Двух зайцев одним камнем! И лишний раз покричать в свое удовольствие, что евреев обижают, и в Израиль загнать еще пару миллиончиков наших сограж-

дан. А то не едут, проклятые. Там самим пахать приходится, а тут на хребте русского народа ездите...

Кречет хмыкнул:

– Тут на днях один был на приеме. Из высших сионистских... Нельзя ли, мол, как-нибудь пару погромов. Хотя бы где-нибудь на окраине. В Перми берутся организовать сами. А то в Израиле рабочих рук не хватает, а палестинцы, что у них работают, то и дело с бомбами за пазухой приходят.

Сказбуш спросил с интересом:

– И что ответили?

– Да так, – ответил Кречет туманно. – Смотря что пообещают взамен. Поддержку в отношениях со Штатами, отсрочку долга Нидерландам, еще мелочишка, о которой пока говорить рано. А мы, что ж... Вон Коган горит желанием послужить далекой прародине. Его и вздернем.

Коган поежился, потрогал шею:

– Да я как-то не очень горю...

– Зато памятник поставят, – утешил Краснохарев злорадно. – А мы, скорбя, такой агро-манный венок притащим! С лентами. Хоть красными, хоть черными. А хоть с голубыми. Это ж не за какую-то Россию пострадаешь, а за свой Израиль!

Коган вздохнул:

– Ладно, уговорили. Если венок большой...

А Сказбуш сказал с неудовольствием:

– Что погромы... Морду набить, подушку распороть... Вон на Украине так всегда от мала до велика всех под корень! Начиная со Святополка Окаянного и через Хмельницкого и гайдамаков до Петлюры и Бандеры. Вы уж, Платон Тарасович, торгуйтесь как следует! Они что угодно дадут за то, чтобы им свой Израиль людьми пополнить. Хоть половину американского флота, хоть любой штат к России присоединят на правах Татарии. Кстати, у них тоже не церемонятся. А с террористами так вовсе никогда в переговоры не вступают! Штурм, и все! При задержании живья не остается...

Он завистливо вздохнул. А Коломиец посмотрел на меня косо, сказал негромко, но с такой умелой актерской значительностью, что услышали все:

– Как сказал Цукерман... или Цукерник, уж не помню точно:

Возглавляя партии и классы,
Лидеры никак не брали в толк,
Что идея, брошенная в массы,
Это девка, брошенная в полк.

Сказбуш хмыкнул, но было видно, что благосклонно слушает и поддерживает министра культуры. А когда тайная полиция поддерживает культуру, то по моей толстой волчьей шкуре сразу бегут мурашки размером с камчатских крабов. Тайная полиция не бывает хорошей, зато культура не только бывает полицейской, но еще как бывает!

– Это сказал Губерман, – поправил Сказбуш снисходительно, но выпрямил спину и посмотрел орлом, все ли заметили, что глава ФСБ поэзию знает лучше министра культуры. – А что до идей, так всегда было. Как с идеями христианства, коммунизма, пуританства, во что выльются идеи господина... или товарища Никольского, уж не знаю, не знаю. Но памятник не поставят, точно. Может быть как с Кромвелем: через сто лет выроют скелет и вздернут. А может, иконы нарисуют! Красивого такого, с благородным лицом и орлиным взором. Который даже в компьютерные игры резался без кодов и солюшенов.

– А если в дефматчи, – поддержал Коган с обидой в голосе, – то без подленьких патчей, когда себе бессмертие, а противнику – масдаи!

Глава 6

Мирошниченко, весь из натренированных мышц, двигался легкий, как тень. Перед нами появлялись бумаги, которые он то и дело добывал из бесшумных принтеров, Марина так же неслышно подавала кофе и ставила тарелки с бутербродами.

Больше всего бумаг клали перед Кречетом. Большинство он, проглядев, передавал другим, на лбу его морщины становились все глубже. Одну распечатку пустил по кругу.

В помещении пахнуло холодным ветром. Министры мрачнели, в глазах появлялось затравленное выражение, как у зверей, загнанных в угол. Ко мне бумага пришла к последнему, по спине словно посыпали холодным колючим снегом. Внутренности похолодели от предчувствия неминуемой беды. С пометкой «секретно» на листке сообщалось, что у западной границы спешно строится военная база. Вообще-то США не скрывали, что строят, укрепляют эту базу, такую махину не скроешь, только отрицали, что она подходит под определение «военная». А на листке стояли в основном цифры. Сколько тягачей, пригодных только для перевозки тяжелых ракет, сколько специалистов-ядерщиков, сколько бетонируется площадок для комплекса противоракетной обороны...

В прессе пошли статьи, созданные по проверенному американскому рецепту: говорить только правду, много правды, очень много правды... но не всю. Снабжать корреспондентов массой видео- и фотоматериалов, чтобы сами не совали носы куда не надо. И не будут сапоги стаптывать, если им подать на блюдечку массу материалов. И пошло, что на этой базе будет технический центр по слежению, служба раннего оповещения, радарные установки, несколько взлетных полос для тяжелых самолетов... при чем здесь военные, транспортные самолеты с грузом продовольствия еще тяжелее военных! Естественно, на этой базе, оборудованной ультрасовременными установками по слежению, будет охрана, ибо нельзя же оставлять без охраны ценности на десятки миллиардов долларов. И не старый дед с дробовиком, а современные элитные части. А в вооружение элитных командос ныне входят как автоматы, так и легкие танки.

Сказбуш нарушил общее молчание:

– Там и тяжелые танки, и даже тактическое атомное оружие. Понятно, ракетами напичкано все, вплоть до туалетов. От крохотных, размером с палец, до таких, что ими бы только спутники на Марс забрасывать.

Яузов поскреб грудь, стараясь не задевать бинты, поморщился:

– Нам вызов. Они прекрасно знают, что нам станет известно все.

– Если проглотим, – согласился Сказбуш, – они сделают следующий шаг.

– Какой?

Сказбуш пожал плечами, неожиданно кивнул на меня:

– У вас есть футуролог. Пусть и скажет.

Кречет сдвинул брови:

– Футуролог есть у всего кабинета. Но я и без футуролога скажу, что, откуда бы мы ни отступили, на то место сразу же опускается сапог американского солдата. Штаты не знают, до каких пор будем отступать, вот и давят. Проверяют! Честно говоря, каждый бы давил на их месте... пока не получил бы по сопатке.

– А когда получил бы? – полюбопытствовал Черногоров.

– А вот тогда начинаются различия, – сказал Кречет. – Один скажет: не вышло, ну и не надо, не больно-то и хотел, другой завопит, отмщения восхочет... Впрочем, на Западе таких уже не осталось. Но дело в другом: что можем? Опять ноты протеста? Так в США чиновники своим шлюхам задницы ими подтирают и показывают наши подписи, покрытые...

Снова все молчали, угрюмые и подавленные. Штаты со слабыми не считаются, а могучего СССР уже нет. Россию можно не только пинать, но и ноги об нее вытирать – не пикнет.

Коломиец прошептал в понятном отчаянии интеллигента:

– Как остановить эту тупую мощь, эту сытую скотскую силу?.. Она уже подмяла под себя некогда цивилизованную Европу!.. Англия, блистательная Англия Шекспира, Байрона, Мильтона – теперь носит в зубах тапочки за этим тупым рыгающим быдлом. Германия уже превратилась в нацию здоровых бургеров, которых ничего на свете не волнует, кроме собственного здоровья. Везде, где пройдет доллар, гибнет культура, а великие трагики начинают швыряться тортами на потеху американизированной публике, для которой это швыряние тортами уже верх высокого искусства...

Кречет метнул огненный взор в мою сторону:

– Что скажет человек, который всегда бежал впереди паровоза?

Я возразил, почуяв насмешку:

– Считаете, это плохо? Но впереди паровоза всегда должны пройти строители, которые кладут шпалы и рельсы, а еще раньше строители, что насыпят насыпь, а еще раньше – топограф... Да, я яростно выступал за восстановление храма Христа Спасителя! Но это было в семидесятые годы, годы советской власти, когда восстановление храма было бы оправдано как с моральной, так и с любой другой точки зрения. Мол, они разрушили, они же и признали ошибку... или вину, как хотите, и восстановили все, как было. Но какая дурость восстанавливать храм после свержения коммунизма? Дело даже не в том, что на те деньги, которые бросили на храм, можно было бы построить немалый город... а с квартирами у нас по-прежнему туго!.. Дело в том, что это признание, что Россия, сбросив ярмо тоталитарной власти, устремляется не в будущее, а трусливо возвращается в прошлое, богомольное и тупое прошлое, богобоязненное, по-прежнему тоталитарное. Только вместо вездесущей царской... то бишь коммунистической власти будут вездесущие попы, будут поклоны... Простите, я, кажется, соскользнул с политики в религиозный диспут?

Коган спросил живо:

– Да, это ваш второй конек. Я только не заметил связи с первым: как сбить рога проклятым американцам?

Я заметил улыбки министров, меня почему-то покорило, видно, кофе подали некрепкий или надо было на чашечку больше перед выходом. Язов, демонстрируя странное объединение армии не то с капиталом, не то с Моссадом, добавил ехидно:

– И как им прищемить хвост. Или хотя бы щелкнуть по носу.

– Во-первых, – сказал я раздраженно, – я различаю американцев и штатовцев. В Америке, если вы бывали в школе... правда, не думаю, что для избравших военную карьеру это необходимо... в Америке много стран, в том числе Бразилия с ее Пеле, Чили с Пиночетом, Аргентина, Панама... ага, что-то вспоминаете?.. Канада и Мексика тоже там. Во-вторых, я не отличаю американца от финна, корейца или, скажем, индийца. Для меня враг не народ, не страна, а тупиковая общественная формация, что не остается гнить в своих границах, а быстро распространяет свою заразу на остальные народы, все еще здоровые...

– Ну-ну, как вы это видите?

Я посмотрел исподлобья:

– Я вас видел на праздновании Куликовской битвы. Вы тогда распинаясь о победе русского народа над татарским. Умолчу, что это не совсем... э-э... но такое идиотское толкование, достойное только меднолобых, есть идиотизм еще и по другой причине. Вы не возвеличили русский народ, а умалили. Вы свели все к драке двух наций. И умолчали, что на стороне русских клали головы не только хохлы в составе литовских войск, но и два татарских полка! Они сражались доблестно против Мамай и почти все полегли, защищая Русь... Почему? Да потому что шло сражение не между двумя народами, а между двумя формациями: земледель-

цев и кочевников. Часть татар под влиянием русских уже осела на землю. И, естественно, они выступили на стороне более прогрессивного строя. Строя, не русских!

Яузов хмыкнул, его красная рожа выражала презрение ко всему, что не покрыто погонами, только глаза были внимательными:

– И что же, Америка... то есть Штаты, это вроде татар?

– Для них это было бы комплиментом!.. Не для татар, конечно. Для неграмотных повторяю: нет ни России, ни Америки. Есть биологический род людской, который быстро растет, размножается, мужает... В каких-то местах возникают опасные болезни вроде Золотой Орды, цивилизации ацтеков, племен каннибалов, но остальная масса вполне здорова, берет верх, а эти болезни рассасываются... за исключением последней опасной болезни, что не осталась на своем континенте, а расползается по свету, опасно заразив уже почти половину человеческого вида. Эта болезнь страшна тем, что в первую очередь поражает психику: люди не понимают, что опасно заражены. В сознании укрепляется иллюзия, что как раз вот теперь начали жить хорошо, безопасно, сыто...

Он слушал с самым скептическим видом. Я начал злиться, наконец Яузов буркнул снисходительно:

– Бред какой-то. Но как обоснование некой новой военной доктрины – в самую точку. Мы вроде хирургов? А танковая армия вместо скальпеля?

– Мы фагоциты, – поправил я. – Есть в крови такие белые кровяные тельца, что бросаются к месту инфекции, дерутся, гибнут, а когда врага побеждают – их трупы либо выходят в виде гноя, либо растворяются в человеческом теле.

– А если не побеждают?

– Человек мрет, – ответил я зло. – Как помрет весь род людской, если не остановим болезнь штатовщины! США в тупике еще и потому, что средние американцы... назвать их средними – это комплимент! – убеждены, что все лучшее создается у них в США. В том числе и культура, как они ее понимают. Из-за этого они отделены от европейской культуры. Та хоть и почти рухнула под победным натиском американского хамства, но все же какие-то остатки сохранились!

Коломиец вдруг сорвался из-за стола, выпученными глазами смотрел на один из дальних мониторов, его ладонь вслепую шлепала по столу, словно ловил прыгающего кузнечика. Наконец изящные, как у музыканта, пальцы нащупали пульт, он резко ткнул им в сторону главного экрана, словно выстрелил. Там вместо митинга на Красной площади появились люди в одинаковых одеждах, с одинаково угрюмыми лицами.

– Опять катастрофа? – спросил Коган, не поднимая головы.

Коломиец сказал счастливо:

– Патриарх Борис собирает под свои знамена молодежь!

Бумаги перестали шелестеть, на министра культуры воззрились с удивлением. Даже Кречет оторвался от чтения указов, которые вроде бы он сам составляет, переспросил:

– Борис?.. Мне казалось, его зовут... зовут...

– Как зовут по паспорту, – переспросил Коган живо, – или как его называли вы? В минуту, так сказать, вдохновения. Образно очень...

Кречет поморщился, Коломиец оскорбленно разводил руками, не находил слов, а на выручку культуре пришел Сказбуш:

– Это новый. Прежний создал три банка, один на свое имя, два на подставных лиц, теперь ворочает миллиардами открыто... Миллиардами долларов, не рубликов! А новый, как ни странно, вместо того чтобы торопливо подбирать крохи, доворовывать мелочи, которые в спешке растеряли акулы... взялся за реконструкцию православия! По крайней мере, так заявил. Правда, вряд ли сам знает, что с ним делать, но сила в нем звериная, спит по четыре

часа в сутки, пашет, как стадо волов, вокруг него уже начала собираться ярая молодежь. Кто-то из священников, а кто-то из тех, кто не мыслит Русь вне православия...

Кречет развел руками:

– Бог им в помощь. Дело их гиблое, но я им сочувствую. Если честно, у меня к исламу все-таки враждебного чувства больше, чем любви... той вовсе нет, все с молоком матери впитывается, это уже мои внуки-правнуки воспримут ислам как родное... Да и вообще, я всегда сочувствую искренним людям. Если, конечно, этот новый патриарх не просто более ловкий политик, что на изломе попытается сорвать куш побольше, чем его предшественник. Тот, кстати, не три банка открыл, а четыре. Четвертый как раз сегодня скупил акции самого крупного алмазного рудника.

– А этот, новый?

– Опирается на старообрядцев. Так что у нас есть не только «Молодежь ислама», то и «Молодое православие».

– Бравые ребята, – согласился Сказбуш. – Я знаю эту породу. Сам из такой.

– Вы? – удивился Коган.

Сказбуш холодно посмотрел на финансового гения:

– Когда в шестидесятые наша пропаганда кричала, что могучие США вот-вот нападут на бедную маленькую Кубу, гордую и до задницы революционную, я написал, как и тысячи других парней, письмо в кубинское посольство, просил допустить меня воевать на стороне Кубы добровольцем. На самом же деле, если честно, мне было все равно, за кого там воевать: за Фиделя или за Батисту. Как и пару лет спустя мечтал как-нибудь попасть в Иностранный легион, чтобы воевать среди пальм, по которым скачут обезьяны, а над головой летают настоящие попугаи, воевать в расстегнутом до пупа мундире, с закатанными рукавами... Эти ребята из «Молодого православия» просто рады возможности подраться. Не просто в подворотне с такими же идиотами, а как бы за правое дело!

Он протянул Кречету листок. Тот отставил на вытянутую руку, дальноточность прогрессирует и у президента, прочел задумчиво:

– Кириллов Борис Павлович... Гм... ладно. Получится так получится! Если сумеет создать сильную и злую старообрядческую церковь, то будет у нас православие. Если не удастся, будет ислам. Мне, как президенту, положено не вмешиваться, а взирать с высоты своего полета. Кречеты же залетают высоко.

Он сунул листок Сказбушу, тут же забыв о молодых старообрядцах. Краснохарев развернул перед президентом толстую папку с листами размером с кровельные листы, все в гербах и печатях. Сказбуш вздохнул, тщательно упрятал бумажку, перегибая так, чтобы не стерся на сгибе номер телефона.

Я помнил по новостям, что на руинах православной церкви быстро возникла церковь старообрядцев. Собственно, не возникла, а вышла из подполья, куда ее загнала еще при никоновском расколе официальная церковь.

Во главе стоял умный и энергичный Борис Кириллов, который руководил общиной старообрядцев под Пермью, затем в самой Перми, в начале перестройки сумел сплотить разрозненные общины... точнее, координировать их жизнь, а когда начался развал самой системы официального православия, быстро прибрал растерянные души под свое крыло.

Христианская мораль прижилась, подумал я мрачно, потому что ориентируется на слабых, убогих, немощных, оправдывает трусость и ничегонеделанье. Если честно, каждый из нас в какие-то минуты чувствует себя слабым, неспособным постоять за себя, дать в зубы обидчику... И тогда на помощь приходит спасительная формула, что надо прощать врагов, что надо смиренно переносить удары судьбы, не роптать, ибо кто страдал в этой жизни, тот будет вознагражден.. ха-ха!... в загробной. А кто вас пинал в этой жизни, тому ох как дадут черти вилами на том свете!

Если Христос и ориентировался на слабых, в самом деле жаждал дать им утешение, то его учение быстро сумели взять на вооружение сильные. С хохотом насилуя слабых, приговаривали: терпите, да вознаграждены будете там, за гробом. А нас за гробом уж как бить будут!

В невеселые мысли проник, как отмычка кагэбиста, задумчивый голос Сказбуша:

– А что, если как-то помочь этим ребятам?.. Все-таки пытаются спасти православие! А оно, как ни крути, все-таки наше. Мы столько веков с ним прожили, стало совсем русским. И когда сербы задрались с мусульманами, мы сочувствовали сербам только потому, что православные, а мусульмане для нас враги, хотя те же самые сербы, только принявшие ислам...

Кречет смолчал, перевел взгляд на меня. Я понял, что к ответу принуждают футуролога, ответил раздраженно:

– Господин президент! Вы знаете, что меня больше всего возмутило в когда-то еще совсем молодой и растущей фирме МММ? Задолго до того, как они начали выпускать всякие там липовые бумажки?.. Та знаменитая их акция с оплатой проезда в метро!.. Ах да, вы ж в метро не ездите, все на бронированном автомобиле...

– Я тогда ездил на бронетранспортере, – прорычал Кречет, – но вы продолжайте, продолжайте!

– Говорю, они однажды оплатили сутки работы метрополитена, и все жители Москвы ездили бесплатно, за счет МММ. Меня это взбесило тогда до свинячьего визга. Хотя все турникеты были отключены, я все равно упрямо бросал пятак, тогда еще были пятачки... кругленькие такие, медные, в щель автомата. Я не желал, чтобы за меня кто-то платил!.. Я могу позволить бросить пятак за меня или пробить талончик в троллейбусе своему другу или подруге, но никак не незнакомому человеку. Я не хочу быть обязанным кому-то. Я не хотел быть благодарным какой-то там МММ. Я возненавидел ее за эту дурацкую купеческую замашку.

Кречет сказал с усмешкой:

– Виктор Александрович! Пожалуй, вы были единственным в стране человеком, кого возмутила эта акция. Остальные были рады халяве.

– Верно, – согласился я печально. – Я тогда работал в коллективе... они могут вспомнить сейчас, как я кипятился, орал, а они пожимали плечами. Это ж, мол, прекрасно, что фирма часть своих доходов пускает на нужды населения. Да, пожалуй, они и сейчас не поймут. Это ведь совсем из другой категории. Как не поймут и того, что я не могу допустить, чтобы кто-то называл себя моим отцом, духовным или каким-то еще, меня – овцой, а я кивал и молчал в тряпочку...

Кречет хмыкнул, а ехидный Коган спросил коварно:

– А как же президент – отец народа?

– Президента избрали, – огрызнулся я. – На всенародных выборах! Правда, я голосовал против, но все-таки Кречета избрали открыто. А этот... первосвященник!.. не знаю, откуда взялся! Какие чины из КГБ назначили на своем тайном совещании? Ну и руководил бы своими, которые избрали. А то берется руководить и мною! Патриарх всея Руси!.. Так что молодые они или не молодые, но идут пока проторенной стежкой. Пока не увижу отказа от хамских замашек называть меня своим рабом, своей овцой, а себя – моим пастухом... пастырем по-латыни... то я – враг православия. Так же, как враг коммунизма, фашизма, любой диктатуры и любого хамского давления и унижения.

– Вы мне чашку опрокинете, – сказал Коломиец напряженно. – Вы не совсем правы в своем осуждении.

– В чем?

– Не правы, вот и все. Наше оно, православие! Наше.

Больше он ничего не сказал, насупился и отвернулся. Но все видели, как он бросил на меня взгляд, полный не только неприязни, но и откровенной вражды.

Глава 7

Мирошниченко неслышно скользнул в кабинет, пошептал Кречету на ушко, умело изогнувшись в полупоклоне и опираясь в спинку кресла двумя пальцами. Кречет кивнул, поднялся, на наши взгляды ответил жестом, чтобы не радовались, скоро вернется, работать все равно надо.

Голоса тут же загудели громче. Краснохарев, тяжело перегнувшись, дотянулся до кречетовской кнопки. Ее шутя называли ядерной, но, когда палец премьера вжал ее до отказа, вместо грохота взрыва без скрипа приоткрылась дверь, Марина заглянула с приподнятыми в удивлении бровками.

Краснохарев развел ладонями:

– Мариночка, этот изверг нас не жалеет...

Марина мило улыбнулась:

– Я сейчас займусь.

Краснохарев едва успел убрать палец с кнопки, как дверь распахнулась снова, уже шире, в кабинет вплыли три девушки из столовой, расставили по столу подносы с гигантскими расстегаями, ватрушками, гамбургерами и биг-маками, а сама Марина внесла бурно кипящий кофейник.

Мне есть не хотелось, но, когда посмотрел на эту роскошь, ощутил, как в животе заворочалось нечто голодное и хищное, под ложечкой громко и бесстыдно квакнуло.

– Вообще-то министрами жить можно, – заявил бодро Коган. Он первым ухватил толстенную ватрушку, вгрызся в роскошный поджаренный бок. – Хоть и повесит потом... бесчинствующая толпа... м-м-м, какая прелесть!.. но хоть поедим всласть!

Яузов торопливо налил себе кофе, опытным взглядом военного оценив, что биг-маков хватит на всех, а кофе надо глотать, пока Кречет не вернулся, пробурчал:

– Поедим... Глядя, как едите, сразу видно, почему страна голодает. Небось всю Сибирь уже приватизировали?

– Почему... Сибирь? – удивился Коган.

– Ломоносов, наш великий предок, сказал, что богатства России будут прирастать Сибирью, – сказал Яузов значительно.

Коган поперхнулся, то ли из-за непомерно большого куска, что пытался проглотить по чисто профессиональной привычке, то ли что военный министр цитирует классиков, а министр культуры разрабатывает планы вторжения в Чечню.

Огромный биг-мак, с виду разве что бегемоту в пасть, смялся в моей ладони до толщины блина, свежего и пахучего, а когда мои зубы... пусть и металлокерамические, но все равно мои, вонзились в сочную пахнущую плоть, где ровными рядами затаились тонкие пластинки котлет, пикантного сыра и хрустящие веточки салата, то, к стыду своему, ощутил, что жить все равно хорошо, хоть и неизвестно, что ждет на выезде из кремлевских ворот: пуля снайпера или заложенная поблизости мина с направленным действием.

Рядом красиво и элегантно ел Черногоров, аккуратно отхлебывал кофе. Он все время помнил, что каждое наше слово и движение записывается как минимум с трех позиций, а потом специалисты проанализируют не только слова, но и мимику, паузы между фразами, движения рук, язык поз... По крайней мере, так было при предыдущем президенте.

Забайкалов с биг-маком в руке и чашкой дымящегося кофе в другой выбрался из-за стола, неспешно начал передвигаться вдоль стены с мониторами. Все работают, везде по большей части новости, часто вылезает клоунада или реклама. Забайкалов морщился, взял бутерброд в зубы, а свободной рукой ухватил пульт, пощелкал. На экранах пошла яркая чужая жизнь. Правда, в преклонении перед Западом не обвинишь, у министра иностранных дел свой

профессиональный интерес, а чужеродные гамбургеры жрет не он один, у славянофила Коломийца за ушами вовсе стоит треск.

Отворилась дверь, Кречет вошел как входит смерч, что гонит за версту перед собою волну сжатого воздуха и стену из шаровых молний. Министры замерли кто с чашкой возле губ, кто с бутербродом в зубах.

Ноздри президента раздувались, как у зверя, почуявшего запах свежей крови. Он швырнул на середину стола не по-президентски толстую папку, у Первого должна быть самая тонкая, рухнул в кресло так, словно сзади ударили под колени.

– Все жрете? – спросил он горько. – А там меня самого чуть не сожрали.

Коломиец спросил участливо:

– Тяжела жизнь отца нации?

– Противно, – огрызнулся Кречет. – Я думал, люди, а явилась делегация от лакеев!

– Лакеев?

– Да, целая партия лакеев и холуев!

Он тяжело опустился в свое кресло, жестом показал, чтобы продолжали, он сейчас снова вернется в наш мир.

– Что-то случилось? – спросил непонимающий Коломиец.

Кречет отмахнулся, но перехватил устремленные на него украдкой взгляды всего кабинета, прорычал:

– Приходили эти... которым то памятник царю воздвигнуть, то переименовать Москву в его честь, то назвать высший орден России орденом Николая Второго Мученика! Холуй чертовы! Хоть один бы возмутился, что большевики не только этого дурака и пьяницу расстреляли, но и лучшего поэта России, Николая Гумилева, поставили к стенке! И тысячи светлейших умов – ученых, поэтов, музыкантов, изобретателей предали смерти! И что народу сорок миллионов вообще истребили в бессмысленной Гражданской и в лагерях! Так нет же, им только царя жалко. Мерзавцы...

– Только ли они? – спросил я. – Церковь так вообще возвела его не то в сан святого, не то мученика. Только за то, что царь. Не за заслуги, а как собаку – за родословную...

Сказбуш возразил:

– Какой же он царь? Сам же отрекся от престола. Стал просто гражданином Романовым. Через полтора года расстреляли именно Романова с семьей, а не царя. Эти ж тупари и наступающий двухтысячный год упорно считают началом двадцать первого века!

Общество убогих, вспомнил я тоскливо, у которых амбиции непомерно выше их умственных данных, на днях с помпой создало Высшее Дворянское Собрание. Объявило себя выше и лучше других людей на том основании, что у них, как у породистых собак, родословные. Все это прошло по телевидению как непомерный праздник. Чуть ли не как девятисотлетие Москвы. Конечно, родословные дерьмовые, но по крайней мере записанные, в то время как у других собак... тьфу, людей, пусть те куда выше по породе, такие записи не велись, и в это общество обиженных природой им доступ, так сказать, закрыт.

Всяк жаждет выделиться, черт бы побрал эту, вообще-то, неплохую черту. Жаждет показать себя лучше, сильнее, умнее. Нормальное человеческое свойство... да и не только человеческое, всякой рыбе, оленю или даже червяку свойственно. На лучшего обратят внимание и самки, а значит – потомство пойдет от лучшего, что есть залог прогресса эволюции. Только у людей это в общем-то правильное стремление принимает какие-то странные формы... Можно выделиться, сделав открытие или хотя бы изобретение, можно спеть лучше всех или станцевать, а можно объявить себя дворянином, который лучше всех других уже тем, что его дед тоже был дворянином... Или того хлеще – потомственные москвичи лучше других уже потому, что их родители перебрались в столицу еще до их рождения. Можно гордиться тем, что живешь в центре, а не в задрипанных Черемушках или в сраном Чертанове. И хотя твоей заслуги в этом

нет, но что делать, когда нет ни ума, ни силы, ни таланта, а свысока смотреть на соседа ох как хочется?

– Ладно, – проговорил я невесело, – давайте до обеда посмотрим наших баранов. То есть штатовцев. Они были землекопами, землекопами и остались. Разве что теперь обзавелись университетскими дипломами, степенями, правят банками и трестами. Но когда я вижу, как профессор дико хохочет при виде швыряния тортами, когда для него высшее проявление юмора, если кто-то поскользнется на апельсиновой корке и задницей об асфальт, то понимаю, что такое американский характер, американский уровень интеллекта... не образованности, а именно интеллекта! Понимаю, почему Штаты так нагло навязывают свой образ жизни всему миру. Разве не так же навязывают его наши слесари? Уж они точно знают, как вернуть золото партии, сбить рога Америке, лечить рак, построить шахты на Марсе, построить царство всеобщей справедливости, покончить с преступностью...

Кречет криво усмехнулся:

– К счастью, наши слесаря остаются за станками. Их даже в депутаты не пускают. А вот американские правят своей страной, а теперь требуют власти над всеми странами и народами.

Коган потыкал пальцем по клавишам своего ноутбука, долго шарил глазами по дисплею.

– Ничто из ничего не получается, – сказал он со вздохом. – Мир уже открыт, эпоха Магелланов кончилась! Все ресурсы выявлены, подсчитаны и поделены. Так что понятно, что если какая-то страна начнет активнее, скажем, выкачивать где-то на земном шаре нефть, то этой нефти другим останется меньше. А так как Штаты, у которых всего пять процентов населения, жрут на все пятьдесят... да-да, это не для красоты словца, Штаты в самом деле потребляют половину всех мировых ресурсов!.. мы разворошили осиное гнездо, заявив, что Россия собирается сама распоряжаться своими ресурсами. Нам бы простили, если бы снова начали строить коммунизм, даже промолчали бы, подумни снова всю Восточную Европу, Прибалтику, а теперь и всю Западную – уже видно, что тех тоже разорим! – но насчет ресурсов Штатам очень не понравится. Они уже к своему карману примерили как Урал, так и якутские алмазы, вычерпали в мечтах нашу нефть, прибрали к рукам леса, поля, земли...

Яузов с демонстративным недоверием слушал горячую речь русского патриота. Взгляд военного министра пытался выявить следы пластической операции, после которой горбоносость сменилась чуть ли не рязанскостью, пейсы, понятно, подстрижены... умеют, гады, маскироваться под людей!

Краснохарев постучал карандашом по столу:

– Прошу внимания. Если учесть, что шестьдесят процентов всех запасов нефти находятся в России, двадцать – в арабских странах, семь – в Латинской Америке, то обеспокоенность Америки, ладно-ладно, Штатов, вполне понятна...

– Это он называет обеспокоенностью, – сказал Сказбуш саркастически. – Ему бы в забайкаловы пойти.

Забайкалов буркнул:

– Вас там прямо-таки ждут. Платон Тарасович, у меня хорошая новость. Подготовлен проект акционерного общества, аналога которому нет в мире. Запад будет рвать волосы. Везде, где найдет.

Кречет поинтересовался живо:

– Ну-ну! Если это то, над чем ты корпел последнюю неделю...

– То, – подтвердил Забайкалов. Он лучился от довольства. – Акционерное общество не бабушек, даже не заводиков, а... государств! Акционерное по ядерной энергии. Пятьдесят один процент в руках России, остальные в арабском мире. Таким образом, мы получим десятки... если не сотни миллиардов. Это и ядерный щит, и много такого, что сейчас еще не осмыслить. Не скажу, что я в диком восторге от идей господина... товарища Никольского, но

все-таки арабские страны не пошли бы в такой союз... такое акционерное общество, если бы не широкая дорога исламу в России!

Коган спросил недоверчиво:

– Подготовлен вами?

Брови Забайкалова взлетели на середину лба:

– Так бы я вам и сказал... в тот период! Нет, уже согласовано с ведущими специалистами, подписано на уровне... гм... на достаточно высоком уровне. Если так пойдет, то через пару недель надо договариваться о встрече глав правительств. Будьте готовы.

Кречет остановил начавшие расползаться в стороны губы, кивнул на Краснохарева:

– У нас по историческим документам спец Степан Викторович.

Коган, который все чаще демонстративно смотрел на часы, наконец с недоумевающим видом поднес к уху, сделал вид, что слушает – тикают ли, хотя что может тикать на батарейках, если не бомба?

Кречет покосился на министра финансов:

– Ладно, прервемся на обед. А то Коган начнет грызть ножку стола.

– Ни в коем случае, – испугался Коган. – Я же знаю, сколько стоят тамошние микрофоны!

Сказбуш поглядел на него пронизывающим взглядом:

– Ах, ваш Моссад и туда напихал?

Все уже шумно вставали, едва сдерживались, чтобы не бежать наперегонки, ибо когда мужчины садятся за стол, как за парты, то неважно, в каком они ранге, при слове «обед» превращаются в школяров и мчатся к буфету, сшибая всех и вся с пути.

В столовую ввалились шумной гогочущей толпой. При прошлом президенте здесь было, говорят, как в могильнике. Никто не смел даже говорить громко. Кречету подражали еще и тем, что подтягивали животы, а кто-то, по слухам, даже пользуется корсетом, чтобы не изнурять себя тренажерами.

– Леночка, – на ходу бросил Краснохарев, – мне бифштексик с кровью!.. Махонький такой, чтобы как раз по сковородочке... Не самой крупной, ни в коем случае!.. Так, средненькой.

– Варвар, – сказал Коломиец осуждающе. – Недаром штатовцы немцев зовут гуннами, а нас – скифами.

Столы под белыми накрахмаленными скатертями, вазочка с цветами посреди стола, там явно не только микрофоны, но и телекамеры, стулья подобраны под цвет стен, легкие настолько, что даже министр культуры смог бы бросаться ими, как пьяный казак в корчме.

Мы усаживались, я взял накрахмаленную пирамидку салфетки, начал разворачивать со словами:

– Да, варвары. А почему нет? США всячески подчеркивают, что они – преемники Римской империи. У них и римский сенат, и римский орел, и римский Форум, и римский Капитолий... а вот мы – варвары! Но мы, варвары, сокрушили предыдущую Римскую империю, сожгли библиотеки, разбили статуи, осквернили храмы, перебили храмовых проституток и всех гомосексов, лесбиянок, скотоложников, а на развалинах той цивилизации построили свою, варварскую, из которой и выросли все нынешние европейские. Непривычно суровые, ибо в них не было рабства, гладиаторских боев, многоженства, извращений... Да, убеждая нас в том, что мы – варвары, эти олухи сами подталкивают к идее, что пора сокрушить и эту Римскую империю.

– Отречемся от старого мира, – затыкнул Коган замогильным голосом, – отряхнем его прах с наших ног...

– Смейтесь, смейтесь. Вот Коломиец уже над вами улыбается! Интеллигент, а все-таки ехида... По своей финансовой грамотности... что за счет остальной образованности,

естественно, не подозреваете, что распеваете государственный гимн Франции. «Марсельеза» зовется, если еще не слышали. Так что это не мы придумали старое рушить, а взамен новое. Сама природа подсказывает! Когда на ваших глазах валится старое прогнившее дерево, то подрастающему вокруг молодняку сразу больше солнца, света, земли, хотя кто-то из того молодняка и погибнет под рухнувшим гнильем...

Коломиец на меня посмотрел холодно, игнорировал, а Коган спросил убитым голосом:

– Это что же... обосновываете необходимость... уничтожения США? Не отпора им, а вообще – ножиком по горлу и лапти кверху?

Кречет поморщился:

– Сруль Израилевич, зачем таким трагическим голосом? Когда грубое и бедное христианство уничтожило красочную языческую религию... с ее вакханалиями, праздниками плоти и прочими весьма, надо признаться, привлекательными для масс увеселениями, то была уничтожена только Римская империя, а не римский народ... Впрочем, даже Римскую империю, как мне помнится, не ножиком по горлу, как вы образно выразились. Римские императоры еще несколько веков водили войска, но уже под христианскими знаменами. Нет, мы обосновываем необходимость уничтожения этой тупой скотской идеологии. Конечно, полетят и головы некоторых особо упорствующих идеологов. Но неизбежно наступит свежее утро!

Коган пробормотал:

– Интересно, как будут рубить голову Фрейду?

Краснохарев оглянулся на окно раздачи, почему все еще не принесли его бифштексик, не самый большой, а который во всю сковородочку, вздохнул:

– Так-то оно так... Умом все понимаю, но ничего поделать с собой не могу. Хотелось бы прожить тихо и без потрясений.

Кречет бросил взгляд в мою сторону. Я понял, кивнул:

– А мне хотелось бы еще больше. Вы знаете, через какие сражения я каждый день прохожу, пока прорвусь через Темный Портал или добуду Звездный Камень? А эти чертовы орки, что уже и в космосе организовали оборону?.. Мне тех сражений хватает выше крыши. Но перед нами сейчас мучительный выбор, как у, скажем, того же просвещенного римлянина. Он видит красоту и высокую культуру императорского Рима, где образованный юрист сидит на юристе и юристом погоняет, где поэты, драматурги, скульпторы... но чувствует и странную правоту в этом диком узколобом учении первохристиан, которые наверняка уничтожат все библиотеки, сожгут весь кодекс законов и прав человека, но заодно уничтожат рабство, главенство плоти над духом...

Краснохарев сказал с неудовольствием:

– Есть и третий путь. Можно заняться экономикой страны, добывать нефть и растить хлеб, а этот четвертый Рим пусть рушат другие. По мне, так это самое лучшее... Но, как я вижу, вы все готовы порасшибать лбы о медные ворота римского... то бишь американского господства. Говоря конкретно, вы ставите США вне закона, как поставили Рим первые христиане? А к тем, кто вне закона, неприменимы обычные мерки... как и обычные способы ведения войны, как, скажем, воевали бы с Францией или Германией.

Кречет кивнул:

– Вы схватываете самую суть, Степан Викторович.

– Значит, – продолжал Краснохарев, – мне нужно предусмотреть выделение средств на акции... которые нигде не будут упомянуты?

Все переглянулись, а Сказбуш сказал мирно:

– Я думаю, что в этом не будет необходимости. У нас уже существует система банков, которая... гм... ну, об этом как-нибудь в другой раз. Все-таки здесь Коган, сами понимаете... Существуют еще и дружественные арабские страны... Кстати сказать, теперь не просто дружественные, а мы как бы в одной команде. Карман пока не общий, но все же можем без излиш-

них дипломатических проволочек обменивать, скажем, наши новейшие истребители на жабы шкурки. Или систему «земля – воздух»...

Коган прервал:

– Но тогда уж и бомбардировщики с антирадарным покрытием для Израиля!

Сказбуш кивнул с самым невозмутимым видом:

– На Украине у нас еще три эскадрильи. Их можно, чтобы деньги не пропадали, передать Израилю через украинских националистов. Хотя они ненавидят жидов люто, но, чтобы насолить москалям, эти бомбардировщики на плечах перекачат в далекую страну пархатых. А наш Коган проследит, чтобы денюга попала к нам...

Коган кивнул:

– Это просто. Тем ребятам достаточно будет морального удовлетворения. Это им за анти-семи́та Хмельницкого!

В моем нагрудном кармане приглушенно звякнуло. Виновато улыбнувшись, я достал пластинку сотового. Из мембраны заверещал счастливый голос Вадима:

– Виктор Александрович!.. Я сумел пройти хэлфайя к Diablo-2!.. Но с этим мужиком в исподнем я ничего не могу!.. Мордоворот, ничего его не берет, как шахтера! Может, как-то заморозить?

Коган начал прислушиваться, даже жевал не так шумно, а справа Черногоров перестал черпать суп, уши задвигались. Я торопливо прервал:

– Кинь мессагу! Нет, лучше мылом... Плохо слышно? Мыльни, говорю! По емеле брось!.. Или в корчме встретимся!

В мембране все еще верещало, Вадим привык к моей беспечной жизни, когда я в любое время мог говорить об игрушках, а научные труды выдавались как бы левой ногой, походя, сейчас я не стал объяснять, какой я подневольный чиновник, отключился.

Краснохарев морщился, а когда я эскейпнул, посоветовал доброжелательно:

– Виктор Александрович, я понимаю... верю, что лет эдак через сто, пусть даже через двадцать все вот так будут шпрехать или шпикать... вам виднее со своей колокольни, простите, компа... но сейчас вам бы спуститься из будущего к нам, нормальным людям... Я боюсь даже представить, что это за корчма, в которой вы встречаетесь с такими же марсианами...

Глава 8

Я развел руками:

– Да разве здесь нормальные? Те в норках, выжидают крушения Кречета. А мы с шансами один к миллиону пытаемся взять мир за рога и повернуть в другую сторону! Впрочем, вы правы. Надо о дне сегодняшнем... Передайте, пожалуйста, аджику... Да черт с нею, с печенью! Мы не штатовцы, чтобы так трястись над лишним годом жизни. Господин президент, вы можете повысить свой рейтинг еще одним... так сказать, мероприятием.

За столом стоял хруст, словно стадо лосей жевало молодые побеги орешника. Кречет, не отрываясь от бифштекса, пробурчал скептически:

– Ну-ну... Сейчас, что ни предложи... все повысит мой... м-м-м... р-р-рейтинг, ибо падать уже некуда...

Коломиец поперхнулся, сделал большие глаза. У президента рейтинг после крутых мер повысился, а после указа о свободе вооружаться так и вовсе взлетел до потолка.

Я сказал ровно:

– Ладно, мы уже оценили вашу скромность. Итак, я предлагаю вам назначить государственную премию... за компьютерные игры.

Я не успел договорить дальше, Коган откровенно расхохотался, Яузов фыркнул, как огромный боевой конь времен Крестовых походов, остальные заговорили, перебивая друг друга.

Кречет вскинул брови:

– Вы это серьезно? Или от хорошего настроения?.. Так сказать, вместо психотерапевта.

Я развел руками:

– Смейтесь, смейтесь. Потом локти будете кусать, когда через пару лет какая-нибудь американская ассоциация додумается. Нет, сама не додумается, но кто-нибудь из наших подсказет. Это же лишь полные идиоты, у которых слюни текут, да некоторые из членов правительства... очень занятых, конечно... полагают, что слово «игры» все перечеркивает. Во-первых, это уже давно не игры. Во-вторых, в прошлом году Голливуд затратил на фильмы семь миллиардов долларов, а на создание игр было потрачено девять. В этом – ожидается втрое больше. В-третьих, этот новый вид искусства, дураками по старинке именуемый играми, становится более мощным инструментом воздействия, чем даже быстро сдающее позиции и устаревающее кино. Другие просто еще не разглядели гиганта в этом малыше... А тот, кто первым возьмет его за руку и введет в большой мир, тот и получит благодарность этого малыша и в будущем его поддержку.

Коган сказал скептически:

– Положим, его уже взяли за ручку. И без нас ввели в большой мир.

– Кто спорит? – сказал я. – Но можем перехватить более важное – воспитание. Во-первых, учредить Госпремию с солидным кушем. Во-вторых, учредить ежегодный кинофестиваль... тьфу, фестиваль игрушек, созданных в течение года. С раздачей золотых слонов, статуэток, премий, дипломов, лавровых венков и пачек долларов. С широким освещением в прессе, на телевидении. С бесплатным проездом лауреатам в трамвае... ладно, а вдруг кому-то из них захочется прокатиться на трамвае? Среди гэймеров романтиков больше, чем среди уже все повидавших киношников.

Похоже, посерьезнели, хотя все еще по лицам бродят тени настолько четкие, что я в любой момент могу сказать, о бюджете ли головная боль, о продвижении НАТО или о свободе продажи оружия.

– Господин президент, – добавил я на всякий случай, – это мы, простые смертные, глядя на яйцо, можем видеть яйцо. А вы, господин... или товарищ президент, должны видеть птицу,

парящую в небе, видеть размах ее крыльев, длину клюва и даже блох на перьях! Простой человек все еще называет это новое искусство по старинке компьютерными играми, хотя этот птенец уже вылупился, уже разевает клюв и пробует растопыривать крылышки!.. Словом, чтобы не занимать ваше внимание, я предлагаю назвать этот новый вид искусства патиципейтом, от латинского слова *participate*. Патиципейт означает участие в чем-то. Все вы помните, как совсем недавно появились видеомэгнитофоны, и все оживились, получив некоторую власть над фильмом. Можно было остановить, чтобы ответить на звонок по телефону, сбегать на кухню за чайником, прокрутить к началу... Даже смотреть в удобное время для себя, любимого, а не когда это хочет телевидение! А искусство патиципейта дало зрителю еще больше власти над зрелищем. Человек, который вовлечен в патиципейт, хватается за сердце и переживает больше, чем при просмотре самого крутого фильма.

Коломиец посмотрел на меня холодно, но не стал унижаться до спора с каким-то футурологом, обратился к отцу нации:

– Почему патиципейт? Опять засоряем язык макаронизмами... Не лучше ли придумать что-то исконно русское?

– А еще лучше – хохляцкое, – добавил Коган с чересчур серьезным видом. Увидел нахмуренные брови Коломийца, поспешно добавил: – Что на самом деле и есть исконно русское, ибо хохлы – самые древние русы.

Я пояснил, морщась:

– Лучше бы русское, наш язык велик и могуч, но наш народец настолько привык плевать на свое и кланяться чужому, что... Вы ж видели, как показали свой уровень питерцы, выбрав для своего города наихудший вариант, зато пышно-глупо-немецкое – Санкт-Петербург! Так и с новым названием. Боюсь, что весь мир принял бы русское название, но сама Россия не примет, но именно с нее должно начаться победное шествие... так что в интересах дела давайте уж возьмем за основу латынь...

– А не американизм? – спросил Яузов подозрительно.

– Американцы пользуются испорченной основой латыни, – пояснил я. – Но можно дать в печати пару статей, что латиняне и есть древние русы. Ведь, как все мы помним, когда пала Троя с ее славянским населением, в чьем падении сыграл главную роль славянский князь Ахилл, почему-то принявший сторону греков, то часть троянцев-русов со своим великим героем Энеем ушла на берега Тибра, где завоевала местные племена, Эней женился на дочери царя Латина и тем самым утвердил свою славянскую династию...

Яузов спросил недоверчиво:

– Что, в самом деле так было?

– Да какая разница? – отмахнулся я. – Мы сейчас решаем, каким быть будущему, при чем тут достоверность прошлого? Россия – страна непредсказуемого прошлого! Но мы отвлеклись, по глазам вижу, Коган вон ерзает...

Коган сказал грустно:

– От радости. Это ж иудеи натравили греков на Трою. А когда там остался один пепел, то кочевники, что сорок лет скитались по пустыне, не имея возможности прорваться мимо Трои целыми, наконец-то вышли в Палестину и напали на других ваших предков... Да-да, по Емельянову, там тоже жили сплошные русы.

Яузов поперхнулся чаем. Глаза стали круглыми. Сказбуш участливо похлопал бравого генерала по спине, но Яузов, похоже, подавился от открытия, что и вся Палестина, оказывается, была нашей.

Я видел, что разговор опять ушел в сторону, никто все еще не понимает серьезность ситуации.

– Ладно, – сказал наконец Кречет отсутствующим голосом, – Степан Бандерович, распорядись, чтобы обдумали, подготовили предложения... Если надо, пусть создадут еще один комитетик. Чтоб нам голову не ломать, а подмахнуть, не читая.

В тарелках остались одни кости, кое-кому приносили по второму разу, работа министра тяжелее работы грузчика, наконец подали горячий кофе, кому-то чай, только Яузов вынужденно цедил смородиновый морс. Кречет распорядился, чтобы ему подавали только полезное, раз уж не заталкиваем обратно в больницу.

Яузов обиженно сопел, широкие ноздри подрагивали, хватая запахи крепкого кофе. В столовой народу многовато, о конкретных деталях лучше не говорить, хотя здесь телекамеры следят за каждым, и, если кто-то хоть попытается прислушаться к разговору за нашим столом, его мимику запишут, а психоаналитики подадут рапорт за тремя подписями, что именно тот человек подумал, зачем подумал и что думают сами по этому поводу.

Краснохарев, обращаясь к Черногорову, пренебрежительно втолковывал:

– Дума не страшна. Не страшна! Даже эти, которые все требуют чего-то... Ну, соколы которые... Радикалы выискались!.. Нет, они не соперники. Несерьезные слишком. На них никто не взглянет. Даже наша Светланочка...

Светлана, молодая и краснощекая, как кустодиевская купчиха, нимало не огорчившись таким сомнительным комплиментом, деловито расставляла чашки, Краснохареву налила в его большую с павлином на боку. Краснохарев следил с удовольствием. А вечный оппозиционер Коломиец покачал головой:

– Это вы напрасно. Я – радикал! И горжусь этим. Мы как раз и нравимся женщинам своим радикализмом... или, как теперь говорят, крутостью. Вот вы, Светлана, смогли бы полюбить радикала?

У нее от удивления распахнулся хорошенький ротик:

– Ради... простите, ради чего?

Краснохарев поперхнулся, кофе из его павлиньей выдуло досуха, зато в казенных чашках Когана и Сказбуша прибавилось. Коган в испуге отшатнулся, а Сказбуш холодно посмотрел на главу правительства, движением бровей подозвал официанта:

– Смените скатерть. А мне – другой кофе. В чистой чашке.

Светлана в панике обмахивала салфеткой Когана, на рукаве костюма от Кардена расплылись коричневые пятна, Краснохарев, все еще булькая, как закипающий чайник, развел руками и, не в силах говорить от смеха, указал на сердитого Коломийца: мол, из-за этого... как его... ради... того, чем он назвался... он виноват, его бейте.

Официант мигом вернулся с подносом, полным чашек. За столом все еще царил оживление, и он, опуская поднос на край стола, рискнул спросить:

– Кто из вас заказывал в чистой?

Веселье, в котором попытался принять участие даже официант, однако, угасло чересчур быстро. Мне показалось, что все было нарочитым, попыткой поднять дух другим, в то же время не показывать, как гадко самим. Краснохарев, Яузов, Коломиец, Коган, Сказбуш, Черногоров... Едят вроде бы с аппетитом, но морды вытянулись, глаза у кого запали, у кого налились кровью и угрожающе выкатились. Работой Кречет изнуряет, верно, но эти могут пахать и больше, здесь другое...

Выдержат ли, подумал внезапно я со смятением. Это я жил как бы в сторонке от мира, из кабинетной пещеры наблюдал за его вывихами, подмечал, а эти все живут в этом мире. Для них это не вывихи. Это для меня смерть Рихтера – потеря для культуры, а для них – смерть известного клоуна.

Краснохарев особенно уязвим, ибо он такой традиционалист, что даже сейчас полагает рок-н-ролл похабной западной новинкой, а брюки дудочкой – стилиажными. Он и этот рыночный мир принял с трудом, хотя сумел свое производство организовать по его законам на зависть всей Европе. Как же ему трудно видеть, как толстых попов, привычных, как неопрятные подъезды, сменяют строгие муллы и муфтии! Не потому, что попы чем-то близки, а потому, что привычны. С привычным можно не считаться, не принимать в расчет, а вот эта странная иностранщина... Странная потому, что иностранным называли все европейское, потом еще и американское, но чтобы арабское...

Не сломался бы, мелькнула тревожная мысль. Что-то задумывается премьер чаще обычного. А западные шпионы крутятся, как мухи вокруг падали. Ждут, чтобы кто-то дал слабину.

Я как угадал, Краснохарев внезапно повернулся ко мне. Глаза из-под тяжелых набрякших век смотрели с откровенной неприязнью:

– И что же, с вашей легкой руки объявляем войну Америке?

Я развел руками, повторяясь и, как заправский чиновник, пытаюсь увильнуть от прямого ответа:

– Вот и вы попались на их удочку! Как умело Штаты подменили свое поганенькое «США» гордым «Америка»! Вон и вы, глядя на это больное образование на земле Северной Америки, называете его Америкой, хотя там же в северной части еще и Канада, Мексика, а в южной части – два десятка государств: Бразилия, Чили, Аргентина, Уругвай... Ни мы им не объявляем войны, ни они нам, а вот Штаты уже давно ведут с нами войну. Мы пока что только отступали, теряя людей, деньги, территории, но сегодня пора попытаться дать отпор... Не Америке, повторяю! Всего лишь Штатам. Уродливому политическому образованию лесорубов, лавочников и кухарок.

Он поморщился:

– Нам что же, вам в угоду пытаться переименовать Америку в Штаты? Да народ уже привык. И не отвыкнет.

– Любой человечиска, – сказал я, – обвинений в неграмотности страшится больше, чем в измене Родине. А моде подчиняется охотнее, чем закону или Кречету. Посему любого, кто называет Штаты Америкой, можно считать малограмотным... что на самом деле так и есть, следует только заострять внимание!.. на такого указывать пальцем... ну ладно, кивком или глазами, о нем можно рассказывать анекдоты, что, мол, он и не то может, вчера брякнул: «Другой альтернативы нет», спутал Чайковского с Киркоровым, а «Гамлета» приписал Доценко, единственному автору, которого знает, да и то понаслышке... Будьте уверены, что уже через неделю только грузчики еще будут называть это образование Америкой, а все эти закомплексованные интелли, полуинтеллигентники, из которых состоит вся копошащаяся масса российского народа... да не вскидывайтесь, Степан Викторович, что вы так обижаетесь?.. Вон Коган, ничего, не обиделся!.. А для России сейчас Израиль ближе Украины...

Сказбуш беззвучно отхлебывал кофе, настоящий мокко, Яузов смачно чавкал блинчиками с мясом, все поправлялся от ран, кто-то слушал, кто-то только делал вид, а кто и вовсе глазел по сторонам, оценивающе задирая взглядом и без того короткие юбочки на оттопыренных задницах официанток.

Я уже привык, что на меня в правительстве смотрят как на клоуна в минуты отдыха: ну-ка давай, покажи свои штуки, надо поглядеть, за что тебя наняли! Но я давно перерос мальчишечьи обиды и сейчас обстоятельно, по-профессорски, излагал вовсе не секретные сведения, пусть слышит хоть весь мир, что Россия уже созрела для второго рывка. Но дорога идет – увы! – через очищение, ожесточение. Через кровь и жестокость, даже через сужение кругозора, узость мышления, фанатизм... Когда-то существовал могучий Рим, просвещенная Римская империя правила миром, и, казалось, этому не будет конца... И цивилизация топталась на месте, пока

по Риму не нанесли удар с двух сторон: изнутри – дикое и фанатичное христианство, а снаружи – дикие и грубые варвары.

Да, Рим был полон театров, там жили и творили поэты, драматурги, философы, там жили величайшие строители, экономисты, лучшие ученые. Конечно же, неграмотные, невежественные христиане были отвратительны, они отрицали культуру, знания и требовали слепой веры в своего бога, других же богов фанатично отвергали, демонстрируя узость мышления.

Конечно же, дикие варвары, сокрушившие могучую Римскую империю, давшую миру лучших юристов, ученых, поэтов, были жестокими и неграмотными дикарями. Но прогресс избрал именно их своими проводниками. Ибо и варвары, и первые христиане, во всем вроде бы уступая просвещенному и богатому Риму, превосходили его в одном-единственном: они были чище духом.

Современный западный мир, где моду задает США, абсолютно схож с древним Римом, за вычетом технического прогресса. Та же половая свобода, те же узаконенные гомосексы, лесбиянки, а цивилизация существует только для того, чтобы как можно более полно удовлетворять половые запросы римлян... то бишь американцев.

А те, на кого мир сейчас с ужасом смотрит как на варваров с их непонятными идеями, странным варварским кодексом чести, и есть те, кого прогресс именно сейчас избрал для разрушения современного Рима, вселенской блудницы, как считали первые христиане, а сейчас считают исламисты и русские националисты.

Один только Кречет выслушал с полной серьезностью. Он же и поинтересовался, не спуская внимательных глаз:

– Да, это я читал в ваших работах. Но сейчас вы повторяете свои тезисы не случайно?

– Да, – ответил я. – Пора действовать. Для начала эти идеи надо сделать доступными массам. В первую очередь, конечно же, через молодежь. А старшее поколение примкнет по другим причинам, но... примкнет.

Он усмехнулся, смолчал деликатно. Старшее поколение примкнет больше из-за ревности к растущей мощи страны, которой каких-нибудь триста лет назад и на карте не было, а сейчас обогнала, правит миром, хотя еще Менделеев прогнозировал, что в 1960 году в России будет пятьсот миллионов одних русских и что она будет править миром...

– Что ж, – сказал он наконец, – послужим прогрессу...

– Но не по их правилам, – предостерег я. – Не дать им навязать нам, новому миру, правила своего гниющего мира.

– Что вы имеете в виду?

– Добравшись до власти, – сказал я, – диктатор спешит закрепить. В наше время лучше всего нанять лучших из продажных литераторов и философов, чтобы те твердили миру: насилие – не метод! Насилие не метод! НАСИЛИЕ – НЕ МЕТОД!!! Знакомо? И вот уже вслед за этой продажной толпой еще и массы полудиотов с высшим образованием твердят совершенно искренне и бесплатно, что насилие – не метод, что все надо решать экономическими методами, что вот есть же общечеловеческие ценности. Это «Насилие – не метод» вбивается в головы по телевидению, со страниц газет. Эту жизненно необходимую любой диктатуре глупость всообщают во все фильмы Голливуда, в сериалы, будь там главным ногомахатель Чак Норрис или кулачный боец Геракл. В том, что насилие не метод, убеждаются на наших глазах ежеминутно сотни людей, кентавров, монстров, инопланетян, вампиров, а уж террористы так и вовсе пачками бросают оружие и сдают общему мнению, которое почему-то в форме американского полицейского. Мы должны противостоять не столько в силе... да какая у нас сила?... как в натиске этих... мать их!.. общечеловеческих.

Кречет повторил настороженно:

– И что же вы имеете в виду?

– Я ничего не предлагаю, – подчеркнул я. – Я только оправдываю человека, который, столкнувшись с более сильным противником, хватается за все, что попадает под руку. Если сильный начнет избивать, пусть даже голыми кулаками, то слабый имеет право ударить хоть палкой, хоть монтировкой, хоть выпалить из базуки.

Он откинулся на спинку кресла. Глаза были внимательными:

– Это относится и к... запредельным методам?

– Я не называю никаких методов, – подчеркнул я. – Потому что могучая пропаганда США сумела уже кое в чем убедить простого человечка, который сам не привык думать. Убедила занести в разряд недопустимых очень много явлений... и методов, которых страшится сама, а разрешила пользоваться только теми, в которых у США явное преимущество. Я просто не считаю, что более сильный волен диктовать выбор оружия!

Он снова спросил, не сводя с меня пронизывающего взора:

– Это относится и к экстремальным?

– Это относится ко всему, – подчеркнул я, – а не только к такой крохотной ветви политической борьбы, как та, на которую намекаете. Ко всему! Штаты отныне не должны нам диктовать ни вкусы, ни моду, ни выбор оружия, ни место поединков. Ни время. Иначе проиграем.

Он откинулся на спинку стула. Я чувствовал, как бешено работает его мозг, привыкший к стандартам, навязанным нам западным миром. С другой стороны, он из тех ястребов, что жаждут выдернуть Россию из унижения рывком, а значит – лихорадочно ищет способы. Перебрал сотни вариантов, но все предусмотрены Штатами. Надо искать нестандартные... но я буквально видел, как крупные мурашки, что ползают у него по спине, на глазах превращаются в жуков-рогачей, как только начинает прослеживать реакцию других стран, мирового сообщества...

Я сказал с насмешкой, что должна бы подбавить ему уверенности:

– Насчет мирового сообщества. Вам не кажется, что под мировым сообществом всегда подразумеваются только Штаты с их челядью?

Несколько мгновений он непонимающе смотрел на меня остановившимися глазами, все еще там, в спорах с невидимыми оппонентами. Грудь его колыхнулась, сведенные напряжением плечи опустились. Он сделал глубокий выдох, а побледневшие губы слегка раздвинулись в слабом подобии улыбки:

– А вы знаете... из этого сумасшествия, под которое вы так ловко подвели базу, может что-то и получиться!

Глава 9

Из столовой мы возвращались слегка отяжелевшие. Возможно, именно поэтому дообеденно дружная группа теперь разбилась на подгруппки, а вокруг меня вообще образовалась торичеллиева пустота.

Я видел, что меня сторонятся, как прокаженного. Наконец отважный Коган, поглядывая с ужасом, приблизился бочком, как краб, сказал приглушенным голосом:

– Вы это серьезно?

– Вполне.

– Не могу поверить!

– Почему? Только потому, что так называемое общественное мнение считает иначе? Но это общественное мнение совсем недавно забивало ведьм кольями, сжигало еретиков, по весне приносило в жертву самых красивых женщин. К тому же девственниц! Согласитесь, этих все-таки особенно жалко.

Он покачал головой:

– Но крутые меры не ответ! Надо бороться аргументами. Если ты прав, то скажи, переубеди...

Я пожал плечами:

– Это выглядит верным. Я сам раньше так говорил. И верил и говорил. Но я все чаще вспоминаю случай из моего детства... На нашей улице, я жил на окраине в маленьком частном домике, а на окраинах, в отличие от центра, все друг друга знают... так вот, за три дома от меня жил один... умный и образованный человек, хорошо одетый и с красивой речью. Приятный такой, обходительный. Он почему-то невзлюбил нашего соседа, угрюмого и неприветливого слесаря. При каждом удобном случае насмехался, отпускал ехидные шуточки. А так как язык у него подвешен был неплохо, то слесарь скоро стал посмешищем, перестал выходить на улицу, а утром проскакивал на работу под стеночкой, как пугливая мышь. Мы тогда хохотали над ним, глупая и безжалостная толпа. Этот красивый интеллигент буквально вытеснил слесаря отовсюду. Тот даже к водоразборной колонке посылал жену с ведром, чтобы не попасть на глаза ехиде...

Я замолчал, глаза стали отсутствующие. Коган поторопил:

– Ну-ну? Какое это имеет отношение?

– И вот однажды этот слесарь то ли поддал по поводу полочки, то ли наконец озверел, но когда тот прошелся по поводу его образованности... ну как слесарь отличит Канта от кантаты?... ухватил его за ворот, шарахнул о стену, дал в морду. Хорошо дал, кровь из разбитых губ залила рубашку до штанов. Тот, понятно, в визг, в крик! Слесаря повязали, протокол, милиция, едва не посадили, отделался пятнадцатью сутками за хулиганство, спасли отличные характеристики с завода. Мы тогда все сочувствовали интеллигенту, помню. Но сейчас вспоминаю другое. Слесарь расправил плечи, встретил интеля еще разок, дал ему обнюхать мониторинговку и предупредил, что готов сесть лет на пять, а то и на десять, но этой штукой изуродует паскуде рожу так, что ни одна баба не посмотрит. И тот образованный красавец, помню как сейчас, присмирел. Слесарь снова стал ходить в гастроном, гулять со своим двортерьером по улице... Да, тогда мы все были на стороне интеллигента. Сейчас же, когда стал чувствительнее к разным нарушениям прав человека... и народов, все лучше понимаю слесаря. Ну не мог он соревноваться с человеком высшего образования в знании манер или классиков! Ну не мог отличить Моцарта от Бетховена! Ну не получил высшего образования в силу каких-то причин. Может быть, из-за бедности родителей, когда после школы приходится идти не в университет, а на завод!.. Да, соревноваться нужно на уровне культуры, аргументов... Но если чужая куль-

тура начинает подминать тебя, как танк, то ты вправе бросить под него гранату. Да что там вправе, обязан!

Коган спросил настороженно:

– Надеюсь, вы говорите об интеллектуальной гранате? Я пользуюсь вашими терминами, ведь это вы ввели в употребление слова: философские бомбы, идеологические удары...

Я отвел глаза, неловко говорить неприятные слова человеку честному и очень порядочному:

– Не только. Когда заряд интеллектуальной гранаты слаб... мы вправе пользоваться гранатами попроще.

Он отшатнулся в ужасе:

– Вы это... всерьез?

– Когда-то и я плевал на слесаря, – ответил я уклончиво. – И говорил о роли культуры, путая ее с образованностью. А сейчас вижу, что на самом-то деле культуры у слесаря было побольше, чем у того, с высшим. Да, слесарь защитил себя как сумел! Он прибег к последнему аргументу, какой остается у любого. Простите, но сейчас вся наша Россия – тот слесарь.

Когда мы входили в кабинет, на самом большом экране грохотали американские танки, а наш телекомментатор, что изображает умного, вещал с подъемом, будто выкрикивал первомайские лозунги с трибуны Мавзолея:

– Завершились как совместные американо-польские маневры у Бреста, так и американо-прибалтийские!.. Где совсем недавно стояли советские войска, теперь шагают американские командос! Американское командование заявило, что отныне на земном шаре нет мест, недоступных для их войск быстрого реагирования! Отныне элитные группы командос могут появиться в любой точке нашей планеты, освободить заложников, ликвидировать террористов...

Он счастливо верещал что-то еще, члены правительства рассаживались, грохали стульями, но не могли заглушить радостные вопли респектабельного дурака. Кречет потемнел, суровые складки у губ застыли, как противотанковые рвы, а надбровные дуги выдвинулись, словно козырек над блиндажом.

– Если учесть, что американское правительство на днях заявило, что даже зона озера Байкал является зоной интересов США... то они действуют последовательно.

– Наступают, – отозвался Краснохарев тяжело, – наступают стремительно!.. Пока мы не собрались, пока копошимся в собственном дерьме, захватывают все, что могут. Оттесняют отовсюду, откуда удастся... Для них мы теперь не СССР, а куда страшнее – Россия.

Оба поглядывали на меня, как будто я был президентом всего земного шара и тут же мог бы приструнить расшалившиеся США. Впрочем, когда народ гибнет, когда его уже не спасет ни самый мудрый правитель, ни армия, ни благодатные земли, спасти может находка в философии, что принимает вид то национальной идеи, то духовных исканий в религии, то какого-нибудь завета предков, на которую не требуется ни денег, ни армий, а из растерянной толпы способна сделать разъяренную армию, способную голыми руками смести хоть шахский режим в Иране, хоть любую иностранную армию, хоть в кратчайший срок явить изумленному миру совсем новую формацию...

– Мы и будем проигрывать, – сказал я настойчиво, – и будем отступать везде и всюду, пока будем играть по навязанным ими правилам. Эти правила они создали для себя! Когда не удалась их недавняя попытка свергнуть президента, то не удалась только потому, что наши люди повели себя странно и дико, с точки зрения американцев! Наши танкисты пошли на смерть, на гибель... это не укладывалось в головах на той, Темной Стороне. И мы победили только потому, что вели себя по-варварски с точки зрения так называемого цивилизованного мира. Хотя, вон Филин Сычевич подтвердит, в Европе подвиг наших молодых ребят был воспринят

с сочувствием, восторгом и слезами. Они поняли, ведь штатовщина еще не успела втоптать в грязь присущие немцам, французам, испанцам честь, достоинство, гордость, верность своей стране до последнего вздоха.

Сказбуш кивнул:

– По нашим данным, немцы даже песню сложили.

– Как они же сложили о «Варяге», – напомнил я. – Не знаете? Тоже мне разведка!.. Это они сочинили, а в России только перевели на русский. А пели по всему миру. За исключением Штатов, естественно. Тогда гордость и честь в Европе были еще в чести. Наступление американских ценностей... слово-то какое хорошее испоганили!.. началось с крушения гитлеровской Германии, которым США воспользовались как нельзя лучше. А заодно вытравили и все понятия о чести, как якобы связанные с милитаризмом! Я уже говорил, говорю и буду говорить, что слабый имеет полное моральное право хвататься за любое оружие!

Кречет вздохнул:

– Древние... не то философы, не то лодыри говаривали, что для того, чтобы убедить человека, вовсе не надо придумывать новые доводы. Надо чаще повторять одно и то же. Страшновато начинать новый век... новую мораль... хотя какая, к черту, новая?.. но, честно говоря, Виктор Александрович, вам даже Сказбуш начинает верить. Нам очень важно чувствовать себя правыми!

Он двигался по кабинету, как гранитная глыба, брошенная из могучей баллисты. Лицо посерело еще больше, крупные оспины выделялись резко, как следы от крохотных пуль. Глаза недобро блестели, как обломки слюды, сухие и упрятанные под мощные оборонительные надолбы бровей.

Министры явно чувствовали себя школьниками, за спинами которых ходит нещадный учитель и стучит пальцем по наручным часам: вот-вот прозвенит звонок, время контрольной истечет, а от этой контрольной зависит, быть России великой страной или не быть вовсе.

Лицо Язуова побледнело, вытянулось, щеки обвисли, но глаза блестели, как у кота, спешего из кухни толстую жирную рыбу. Да и остальные двигались и говорили жарче, чем принято ожидать от правительственных чиновников. Воздух был пропитан лихорадочным возбуждением. Страну развернуть труднее, чем авианосец на полном ходу, да еще вот так, когда то здесь рвется, то там ломается.

Язуов охрип, раздавая распоряжения по мобильному. Мы уже знали, что, когда заподозрил, что начали притормаживать... только заподозрил, тут же в отставку отправил два десятков генералов, еще пятеро из военного ведомства вдруг одновременно передали свои роскошные дачи под ясли и детские садики, а несколько крупных работников со звездами на погонах нашли свои кабинеты опечатанными.

– Парочку расстрелять бы, – приговаривал он мечтательно. – Эх, туго внедряется ислам! Вот бы Кречет попетропервился, тот даже бороды стриг...

Коломиец не понял:

– А при чем тут ислам?

– А я бы их судом шарията. Военно-полевым во имя Аллаха! Утром арестовал, а вечером уже закопали бы.

Может, он и шутил, но лицо оставалось серьезным, в глазах была злость. Похоже, для ускорения реформ в армии он положил бы под танковые гусеницы всех несогласных с ним генералов генштаба.

Да только ли Язуов, сказал я себе трезво. Вон Коган вовсе готов обокрасть форт Нокс, только бы экономика России получила дополнительные вливания. Оправдание у министра финансов чисто пролетарское: грабь награбленное, а ведь почти не шутит, Сказбуш не моргнув глазом взорвет атомную бомбу хоть возле Белого дома. Ему надо только подтвердить, что его желание, вообще-то, этично и человечно, ведь штатовцы – не совсем люди. Если же

посмотреть на премьеру, то можно сказать с уверенностью, что для Краснохарева все средства хороши для подъема экономики России: против нее все годы играли настолько нечестно, что Россия имеет полное моральное право ответить тем же.

За опущенными шторами угадывался серый безветренный день, а небо, судя по вспыхнувшим лампам в люстрах, сплошь затянуло тучами... Бесшумные установки охлаждают воздух, очищают, накачивают озоном, миглом вбирают запахи. Даже кофе, который по нашему требованию начали приносить уже через полчаса после обеда, показался без привычного аромата настоящего мокко.

Похоже, никому из министров не требовалась монастырская тишь академического кабинета. Мало того, что косились на работающие телевизоры, еще и переговаривались, нервно пошучивали, перебрасывали через стол бумаги.

Я заговорил со Сказбушем не только потому, что ястреб, но по характеру работы должен быть более раскован, чем некоторые здесь, что шагнули в правительство прямо с кафедры. Когда встречаются двое, разжевывал я как можно популярнее, один – накачанный и тренированный верзила, а второй – хилый интеллигентик, то это чисто американское лицемерие требовать, чтобы оба дрались «по-честному». То есть оба с голыми кулаками. Честнее будет, если более слабый возьмет в руки арматурный прут или обрезок трубы. Это не даст ему преимущества, но уравнивает шансы.

То же самое и со странами. Штаты намного сильнее, скажем, Ирака. И потому Ирак, по нормальной неизвращенной логике, в борьбе с таким гигантом имеет полное моральное право – которое не осудят ни Аллах, ни Иегова, ни Будда – применять подножки, бить тем оружием, которое Штаты требуют запретить.

Я говорил и говорил эти азбучные истины, повторялся, переставлял слова и говорил снова, ибо когда мир стоит на голове, то надо еще суметь убедить, что правильнее стоять на ногах.

Коган прислушался, сказал нервно:

– Вы говорите страшные вещи!

– Страшные? Почему «страшные»? Только потому, что США их так называли? Только потому, что сумели навязать всему миру... почти всему, систему своих трусливых ценностей? Но мы же сами признаем, что лучшие в мире компьютеры – это штатовские! Зато мораль – хуже и гаже не отыскать и у папуасов!..

– Вы хотите сказать...

Кречет прервал нетерпеливо:

– Виктор Александрович уже сказал. Теперь слово нам. Мы, скажем так, не станем очень сильно горевать... если что-либо случится с той базой, которая перемещается к нашим границам.

Черногоров подумал, предположил нерешительно:

– Может быть, стоит подождать, пока станет больше известно о ее военной начинке? Мировое мнение хоть в какой-то степени нас оправдает. Они все равно не окопаются как следует, удар нанести всегда можно...

Я возразил:

– Важно еще одно соображение. Платон Тарасович сгоряча заявил перед газетчиками, что не допустит, чтобы эта база придвинулась к нашим границам. Так пусть же увидят, что... гм... небо на нашей стороне.

Кречет оглядел зачем-то стены, шторы с антирадарным покрытием, для того, чтобы их отключить, надо взорвать половину Москвы. Сказал, приглушив голос:

– Естественно, мы – против терроризма. Но если где-то какие-то группы будут проводить какие-то акты... гм... осуждая их, мы все-таки, как нормальные люди со здоровой психикой, будем испытывать некоторое удовлетворение.

Сказбуш кивнул:

– Да-да, естественно. Хотя, как я помню, даже ИРА или курды берут на себя ответственность за взрывы.

– Им терять нечего, – возразил Кречет угрюмо. – По ним экономическими санкциями не ударят! Вот когда, как говорит Виктор Александрович, какие-то незнакомцы пустят кровь противнику... нет, когда тот ослабеет от потери крови, тогда и подумаем, подумаем... А пока рассматривайте не как трусость, а как военную хитрость. Она оправдана всегда, а в столкновении с более сильным противником – вдвойне.

Коган поерзал, сказал нервно:

– Похоже, начинается разработка планов. Посторонним лучше не слушать. Я, пожалуй, пойду погоняю своих. А то, когда кота нет, все мыши лезгинят на его столе.

Кречет буркнул:

– Сиди.

– Да? – сказал Коган. – А потом и меня повесят в каком-нибудь задрипанном Нюрнберге?

– В Израиле спрячешься, – отрезал Краснохарев безжалостно. – Или в Аргентине, как Борман.

– Да я по паспорту совсем не аргентинец, – пробормотал Коган. – Был советским, побыл русским, теперь мусульманин... наверное.

Забайкалов, что больше молчал, прислушивался, слово дипломата особенно весомо, они-то знают, что слово не воробей, вылетит – таких поймашь, пророкотал утешающе:

– Бьют не по паспорту. Вы, дорогой Сруль Израилевич, в безопасности, а вот моя шея...

Он почесал себя по кадыку, брови сдвинулись, но глаза блестели, как у большого довольного кота. Старый, битый всеми ветрами и бурями волк, поседевший в схватках, он непринужденно ликовал, видя зарождающуюся бурю. Силу взлета дает не попутный ветер, а встречный, женских могил нет в поле... да и вообще, возможно, это его последний бой, так пусть же пройдет красиво.

Я смотрел на этих сразу оживившихся людей, плечи расправили, словно отряд разбойничающих викингов захватил огромные богатые земли с мирным населением и начинает налаживать систему рэкеты, в наших летописях названную полюдем.

Ни одна система образования никогда не обнаруживает шокирующую правду, что все великие политики, изобретатели, философы и преступники – из одного человеческого материала, из той самой глины, когда слепленные из нее переступают законы. Законы общества, ориентированные на среднего человека. Средних, как известно, большинство. Даже абсолютное большинство! Общество и должно жить по законам большинства, иначе не выживет. Но толкают его вперед или назад, влево или вправо, ввергают в религиозные войны или тянут за уши к звездам именно эти, преступившие.

Общество всегда одинаково враждебно относилось к преступающим, будь это великие изобретатели или взломщики сейфов. Иисус, Мухаммад, Савонарола, протопоп Аввакум, Кампанелла страдали от общества так же, как простые карманники или грабители могил.

Но эти великие все же реформируют общество, как оно ни упирается, все же тянут не просто по тернистой дороге прогресса, что не нравится простому большинству, но и по кровавой дороге, усеянной не только телами павших, но и руинами целых империй.

Страшно не это неизбежное, а страшно, если большинство сумеет обуздать этих преступающих. Общество станет благополучным, сытым, никуда не стремящимся, старающимся во что бы то ни стало сохранить свое сытое существование в мире... пока что не идеальном.

И тогда этому обществу конец.

С точки зрения человечества, ну и хрен с ним, другие-то не остановились, идут? Но беда в том, что это, остановившееся, хватается за полы и останавливает других, убеждает никуда не стремиться, ничем не рисковать, не надирать жилы, просто жить и балдеть...

И тогда, увы, оправданны действия, которые в том сытом и тупом обществе поставлены вне закона – их закона! – и которые у них называются экстремистскими, террористическими.

Глава 10

У Кречета все работали, как в провинциальных райкомах партии: с утра до поздней ночи, даже в туалет стеснялись отлучиться. Назад бы трусцой, если бы не боялись уронить перед охранниками имидж крупных государственных деятелей.

В этом большом кабинете академизмом и не пахло, сейчас из десятка экранов на трех шла передача о стычке казаков с активистами исламского движения, милиция озверело лупила дубинками всех, невзирая на веру и лампасы. На ближайшем к нам красивая дура рассказывала о чуде некоего русского святого, который в год наполеоновского нашествия явился Евгению Богарне и потребовал не разорять их монастыря. Проснувшись, этот племянник Наполеона увидел старика в роли настоятеля. И велел не трогать имущество монастыря...

Телекамера показывала крупным планом потрясенные лица слушателей, как же – святой, а у меня мелькнула насмешливая мысль: святой под стать нашим депутатам. Имущество моего монастыря не трожь, а соседние села хоть разори, хоть сожги, это нам до церковной свечки...

Кречет перехватил мой взгляд, брезгливо поморщился:

– Да ладно вам. Наша церковь даже последнего царя умудрилась причислить к лику святых!..

Коломиец вмешался, как истый боец за справедливость:

– А при чем церковь, при чем церковь?.. Все так! Вон обидели чем-то Белова, да не академика, а знаменитого хоккеиста, так наш Краснохарев... вот он, не отвертится!.. пообещал взять это дело под свой контроль. А если бы Белов был не знаменитым хоккеистом, а простым слесарем?

Кречет недобро хмыкнул:

– А вам что, равноправия восхотелось?

– Нет, но равных возможностей...

– Ого, так это вообще коммунизм!

Коломиец съехался, втянул голову в плечи. При коммунизме у него, правда, был не один этот потертый костюм, а целый гардероб, как и дача в Переделкино, но что-то обратно в тот строй не восхотелось.

Снова все шелестели бумагами, демонстрировали умение обращаться с ноутбуками, отсылали по модемам, дозванивались без секретарей, на широком столе лежали ручки шариковые, перьевые, ультрацевиевые, были и чуть ли не гусиные перья, мир меняется чересчур стремительно, министры не успевают, возраст не тот, чтобы компы осваивать...

Краснохарев потер лоб, тряхнул головой. Взор его был мутен, а когда глаза, подвигавшись, как у хамелеона, сошлись в одной точке, он вперил задумчивый взор в Сказбуша:

– А что, Илья Парфенович, предполагаете из дополнительных мер по защите президента? Известно, если его отстрелить...

Он смерил Кречета настолько прицельным взором, что Сказбуш спросил с великим интересом профессионала:

– То что?

– То, – сообщил Краснохарев значительно, – что, пожалуй, реформы... некоторым образом, могут пойти другим путем. Иначе, если говорить доступно.

Сказбуш начал перечислять дополнительные меры, а Кречет с нетерпением повернулся ко мне:

– Виктор Александрович, а как насчет оригинальных идей? Вы ведь у нас непростой человек, непростой. Все работают, а вы думаете, думаете...

Я поморщился:

– Напоминаете, что дурак – это всего лишь человек, мыслящий оригинально?... Отстрелить все равно смогут. Разве что Кречету не только не ездить за рубеж, но и Кремля не покидать, как наш дорогой Иосиф Виссарионович? Да нет, могут и там достать... Проще сделать так, чтобы они сами оберегали. Даже от наших экстремистов. Так дешевле. Да и забавнее.

Меня поддели на острые взгляды, как полковника Киреева на турецкие штыки. Краснохарев пробасил недоверчиво:

– Поясните, пожалуйста.

– Вот вы, к примеру, начнете выступать с заявлениями... ну, более экстремистскими, чем у Кречета. А мы пустим слушок, что ежели с Кречетом что, то преемником станет наш дорогой Краснохарев. Вы, понятно, демократов под нож, журналистов на виселицу, всю страну обратно в коммунизм... Тогда наши нынешние противники с Кречета начнут пылинки сдувать!

Краснохарев наконец решил, что пора обидеться:

– Почему меня? Лучше уж Язуова в ястребы! У него и нос крючком.

– У него нос горбатый не потому, – намекнул Коган туманно. – Он, наверное, из энтих... пархатые которые. Недаром же армия разложена, как девка на панели. А вообще-то идея хороша. Но только надо в самом деле чем-то подкрепить. Рано или поздно все, что здесь говорится за непроницаемыми шторами, станет явным. То ли я проговорюсь Всемирному сионистскому конгрессу, на службе у которого, естественно, состою, то ли кто-то разбрыкает своей... гм... племяннице, но если в самом деле кого-то начнем прочить, то идея станет реальностью.

Кречет поморщился, никому не нравится, когда начинают готовить преемника, пусть даже липового, все равно что мерку снимают для гроба, сказал нетерпеливо:

– Это решим в процессе. А сейчас как насчет наших алмазных копеек? Все еще мечтают отделиться от России или наш батальон быстрого ответа переубедил?

Вообще-то, после обеда работа шла скомканно. Министры то и дело косились на экраны телевизоров. Велась прямая передача из Думы, а там спорят до хрипоты. Чуть ли не единственный случай, когда мнения разделились на диаметрально противоположные, а нейтральных не оказалось, ни один не собирался воздерживаться при голосовании.

То, что Кречет железной рукой принялся выправлять экономику, да и не только экономику, восхитило всех сторонников железной власти. У генерала сразу отыскались сторонники среди коммунистов, либералов, националистов. Зато от самого имени Кречета визжали западники, но когда Кречет круто повернул в сторону исламизации, то коммунисты и либералы, не говоря уже о националистах, заговорили о предательстве национальных интересов. Россия-де сплошь православная, у нее на знамени бог, царь и народ, а Аллах никакой не бог, даже не полбога, Кречета долой, зато западники растерянно замямлили, что вот тут как раз генерал показал себя широко мыслящим человеком, ислам в России ущемлялся, а сейчас все равны... но и западники были ошарашены быстрым ростом влияния ислама, созданием исламских обществ, кружков, секций, началом строительства трехсот мечетей по России. Одно дело со вкусом разглагольствовать о необходимости равноправия, зная, что никто его не введет, а другое дело...

Пожалуй, только одна партия безоговорочно поддержала Кречета: партия сторонников свободной продажи оружия. Правда, называлась не партией, а движением. В программе вроде бы обошлись без политических требований, но движение с такой скоростью набирало силу, что к немногословному лидеру движения, Валерию Полозову, начали не просто присматриваться, но и подбирать ключи те, кто вчера его еще не замечал.

Похоже, что в результате дебатов коммунисты, националисты и западники оказались в одной упряжке. Я видел, как в кабинете Кречета растет напряжение, в Думе дошло до голосования о вотуме недоверия.

– Конси... консили... консолидируются, – выговорил Краснохарев с трудом. – Собираются в кулак, черти... Крупные звери, средние, даже мелочь... С ними даже та партия лакеев!

Ну, именующие себя монархистами. Ну те самые, которые после победы хотят стать старшими лакеями... Им, дескать, будут служить вовсе холопы, а они будут лизать высшим лакеям, те – сиятельным лакеям... и так далее, вплоть до Первого, которому будет лизать те, кто его помазал.

– Что-что? – не понял Черногоров.

– Помазал, – объяснил министр культуры, – на царство и владение всеми, кто живет в том царстве. Нами то есть.

– А, черт! И такие еще есть? Лучше уж власть отдать любителям пива.

Краснохарев посмотрел на сияющего Когана, сказал задумчиво:

– С другой стороны, у партии монархистов есть привлекательная черточка, есть... Когда царь, да еще по наследству, то уж коганам ну никак в президенты! Им нужна выборная система... Правда, нашим ванькам хватит ума выбрать царем какого-нибудь рабиновича. Как вон Петроград переименовали в то, что и произносить-то вслух неловко.

Коган горестно вздохнул:

– Глас народа... Все было законно: голосовали все жители города. С голосом народа всегда так: то «Сникерсы» им подавай, то бутики, то президента выбирают по зычному голосу...

Он делано поперхнулся, перекопился в ужасе и спрятался за широченную спину военного министра. Но Яузов, как всякий русский военный, не стал прикрывать еврея, который сам не служил и детей отмазал, отодвинулся, еще и придержал этого рабиновича мощной дланью за ворот.

За нервными разговорами и натужными шуточками не заметили и странного замешательства среди депутатов Думы. То ли потому, что в глазах избирателей они оказываются рука об руку со своими противниками, которых поливали на выборах, то ли личный авторитет Кречета и его правительства за последние дни неожиданно усилился в глазах самих избирателей, но я слышал общий вздох облегчения, когда голосование перенесли, а по ряду признаков уже было ясно, что оно не состоится вовсе.

Сегодня у Кречета по расписанию встреча с исламским послом. Даже я прикинул, как они будут смотреться. Дикие мы все-таки люди: обожаем глазеть, как Кречет жмет руку китайским руководителям, японскому премьеру или всяким там вьетнамцам. Они все такие крохотные, а наш-то просто бугай рядом с ними. Да и с шейхами, эмирами, султанами хорошо смотрится, только вот рядом с Кодем хоть не становись, чертов немец как носорог из саванны, всякого в карлики сажает.

Когда прошлый президент обменивался рукопожатием с президентом Штатов, вся Россия всматривалась, который выше ростом: наш или ихний? А когда оба стали рядом, от Бреста и до Камчатки пронесся вздох облегчения, наш на палец-другой выше, видно, в плечах пошире, сразу видно таежного сибиряка, а у американца всего лишь задница шире...

Я видел, как Кречет взглянул на часы, вздохнул, поднялся, и в то же мгновение в кабинет вошел Мирошниченко. Кречет кивком удалил за дверь, пока склерозом не страдает, помнит свое расписание, а проходя мимо меня, сказал с кривой усмешкой:

– Придется галстук натянуть.

– Зачем? – удивился я.

– Встреча с послом из дальней арабской страны...

Я не понял:

– Разве галстук так уж обязателен? Они сами галстуки не носят.

Он взглянул хитро:

– Смотря кто. Увидишь – упадешь. Восток тоже не стоит на месте. Первая женщина-посол!

– Женщина?

– Я тоже ахнул. Так что без галстука не обойтись. К тому же аристократка, из семьи не то султана, не то эмира. Блистательная Фатима. У них все должности поделены между членами семьи. Я ж помню, как одна аристократка зарезала президента... или кем он там назывался, за то, что посмел принять ее в ванной. Помню, в школе учил вместе со всеми, как мерзавка зарезала «Друга народа», такой у него был титул, предательски, в тот момент, когда этот друг народа изволил принимать ванну. И только недавно, когда голова поседела, вдруг подумал: а с чего ты сам, мерзавец, пригласил приличную женщину к себе в ванную? И посмел разговаривать с нею, сидя в теплой мыльной воде, голый, как свинья? Чтобы лишний раз унижить, вот, мол, месть победившего пролетариата?

Коломиец услышал, сказал с сомнением:

– Как вы все не так интерпретируете... Школьные программы не врут о Марате – друге народа! А если и врут, то для пользы. Для надлежащего воспитания молодого поколения!.. Резать людей нельзя, даже если они президенты. Пусть хоть Франции, но резать все одно нельзя, нехорошо. Она могла бы ему высказать свое отношение...

Кречет удивился:

– Чтобы он устыдился и вылез? Голый?.. Лучше уж зарезать прямо в ванне. По крайней мере, приличнее. В старину, как говорит наш футуролог, нравы были целомудреннее.

– Во Франции? – изумился Коломиец.

– Строже, – поправился Кречет. – Виктор Александрович, ты займи посла на пару минут. Я скоро. А потом проводи, не сочти за труд, в мой малый кабинет.

Он ухмыльнулся, исчез за дверью внутреннего кабинета.

В приемной с Мариной беседовала моложавая женщина, энергичная, с большими блестящими глазами. Марина не знала, как держаться с таким послом, стояла красная как рак и что-то лепетала. Между ними покачивался, как бамбук под ветром, одетый по-манекеньи, улыбающийся господин, щебетал на арабском. Голова женщины согласно исламу покрыта платком, настоящим произведением искусства, но черные как смоль волосы видны из-под платка, на лице чувствуется присутствие косметики, требования ислама все так же строги и жестки, но не по-дурачки.

Я поклонился еще издали:

– Прошу извинить! Задержка всего на пару минут. Срочный звонок президенту...

Женщина улыбнулась, показав великолепные белые зубы, что как молнии сверкнули на ее смуглом удлиннном лице:

– О, пустяки! Мой визит неофициальный, здесь все не по протоколу. Тем более для меня честь побыть в вашем обществе, уважаемый эфенди... Я узнала вас по портрету в вашей книге. У нас вас называют суфием! Да-да, почти все ваши работы изданы нашим университетом. Некоторые даже читают в медресе...

– Спасибо, – ответил я искренне. Все равно приятно, хотя сама посол моих работ, понятно, и в глаза не видела, а эти сведения ей сунули на трапе самолета, чтобы знала, с кем придется столкнуться в окружении русского президента. – Спасибо. Надеюсь, вам в нашей стране не слишком скучно...

– Мне нравится ваш юный город, – сказала она живо.

Я переспросил невольно:

– Юный? Видели бы вы, с какой помпой отмечали ему восемьсот пятьдесят лет!

– Вот видите, – согласилась она весело, – совсем ребенок...

– Восемьсот пятьдесят, – пробормотал я.

Она всмотрелась в мое лицо, белые зубы на смуглом лице снова заблестали, как молния:

– Ах вот вы о чем! Городу, в котором я живу, моему Дамаску, недавно исполнился первый десяток тысяч лет... Из них восемь тысяч – непрерывного, как говорят у вас, стажа в

ранге столицы. Вплоть до нашего времени... За эти тысячелетия рождались и падали империи, создавались новые царства, рождались великие мудрецы, учили, вели, поднимали всех на ступеньку выше... И так из века в век, из тысячелетия в тысячелетие... Никакой Америки вообще не было, как и, простите, Европы... И только в последнее тысячелетие – еще одно для моего народа – возникло такое образование, как США, да и то в самом конце. Продержится ли оно еще хоть сотню лет? Опыт и мудрость моего народа говорят, что нет.

Я не успел спросить почему, Марина прислушалась к звонку, встала из-за стола:

– Виктор Александрович, может быть, проводите госпожу посла к президенту?

– Если потом меня не расстреляют за подслушанные государственные тайны, – пробормотал я.

Глава 11

Кречет принял удивительного посла не в парадном зале, а в своем маленьком кабинете, обставленном с солдатской простотой. Все послы уже знали, что это не пренебрежение гостем, напротив – президент впускает в святая святых. Разговоры могут быть самыми секретными и доверительными.

Дождавшись, пока Фатима усядется за крохотным столиком, где ничего, кроме букетика цветов в вазочке, он опустил напротив. Его упрятанные в глубоко эшелонированные пещеры глаза блестели, как осколки слюды, на которые попал солнечный зайчик.

– Надеюсь, – сказал без всякого вступления, – этот разговор не коснется ничьих ушей, кроме главы вашего правительства.

Фатима наклонила голову. Ее глаза были серьезными и внимательными.

– Не сомневайтесь, господин президент, – сказала она негромко. – Не сомневайтесь.

– Нас раздражает, – заявил Кречет, – что Штаты с высоты своего временного технического превосходства диктуют своим торговцам, что продавать в нашу страну, что нет...

Фатима живо встала:

– Простите, что перебиваю, но в нашу – тем более...

Кречет кивнул, он не возражал, когда перебивают вот так. Похоже, Фатима это прекрасно чувствовала. Ниточка взаимопонимания очень быстро превращалась в прочную веревку.

– Я оскорблен, – сказал Кречет. – По сути, те их компьютеры не так уж и важны, мы и сами через год-полтора создадим второе мощнее, но... как вы понимаете, я просто оскорблен! И народ мой оскорблен.

Фатима наклонила голову, в черных глазах было живейшее участие.

– Только гордый народ может рассчитывать на понимание Аллаха.

– У меня возник дерзкий план, – продолжил Кречет, – как малость сбить спесь с этих... западных. Теперь вся нефть, по сути, в наших руках. Не пора ли снова повысить цены?

Дыхание красивой женщины на миг прервалось. Черные глаза заблестели, но в них был еще и страх, Кречет правильно понял, не удивился, когда она сказала погасшим голосом:

– Мы уже однажды объявляли блокаду США и всему Западу. Но только было больше паники, чем ущерба. Цены поднялись не настолько, как договорились, Запад начал угрожать, Штаты послали свой Седьмой флот к нашим берегам...

Кречет кивнул:

– Вы из деликатности не упоминаете, что наша Россия тогда здорово подгадила всем вам, начав усиленно продавать свою нефть. Мы тогда опустошили все резервуары! Старшее поколение русских помнит, как при Брежневе однажды в страну потекли нефтедоллары. Я говорю «Россия», хотя тогда еще был СССР, но не хочу снимать с нас ответственности. Однако сейчас другой строй. Но главное, что мы с вами теперь в одной команде. Теперь мы поддержим нефтяное эмбарго Западу! И ни капли ни США, ни его союзникам.

Фатима задумалась, голос прозвучал очень осторожно:

– Надо подробно обговорить с моим правительством.

Кречет кивнул:

– Естественно. И не забудьте добавить, что когда США снова пошлет туда свой Седьмой... если решится...

Фатима сказала со сдавленной яростью:

– Теперь пошлет тем более! Тогда удалось, а сейчас США еще сильнее...

– Пусть посылает, – кивнул Кречет. Глаза его блестели весело и зло. Он выпрямился, стало видно, что грудь президента широка, как латы хоккеиста. – Там их встретят!

Ее красивые узкие брови, черные, как цыганские, взлетели:

– Встретят?

– Мы планируем... вот прямо сейчас планируем послать в тот район наш Первый Краснознаменный флот. Если успеем договориться о дружественном визите в ваши территориальные воды, пусть даже без захода в порты, это будет очень кстати.

Она в волнении приподнялась, но тут же спохватилась, поспешно плюхнулась обратно, потому что русский президент из вежливости тоже начал было приподниматься:

– Насколько это серьезно?

– Это не для протокола, – ответил Кречет, – но я говорю как мужик... простите, как мужчина. Мое слово мужчины дороже, чем мое же слово президента!

Она улыбнулась одним уголком губ. Русский президент говорит о посылке целого флота в суверенные воды арабских стран, но сам бессознательно выпрямляет спину и расправляет плечи, ибо его мужская часть все время помнит, что он разговаривает с молодой и красивой женщиной.

– Я не сомневаюсь, господин президент, – согласилась она смиренно. – С вашим избранием Россия заметно воспрянула духом.

Он кивнул, польщенный, но тут же, спохватившись, сказал уже совсем деловым тоном:

– Конечно же, режим Саддама Хусейна – не мед. И сам Ирак – не лучшая страна в мире. Но Штатам нельзя давать уничтожить ни Ирак, ни какую-то другую страну или мелкое племя, уже лишь потому, что для правильного биологического развития рода человеческого... как я загнул о высших целях?... нельзя даже самому лучшему на планете режиму распространить свою власть на весь земной шар. Это будет страшнейший социальный застой... это прекращение развития человеческого рода!

Она согласилась все так же смиренно, давая сильному мужчине сказать то, что очень хочется ей самой:

– Тем более что Штаты – совсем не лучшее политическое образование на планете.

Я сидел тихий, как мышь. Кречет и посол углубились в детали будущего договора. Нужно как можно быстрее собрать страны ОПЕК, договориться, прийти к соглашению по поводу новой цены, обзавестись держаться до некоего момента.

Козе ясно, если бы не предложение Кречета, арабские страны уже не попытались бы снова поднять цены. Но теперь план выглядит почти выполнимым. Но только выглядит. В прошлый раз США еще оглядывались на своих союзников, а теперь, после крушения могучего СССР, единственного соперника, ощутили себя единственными правителями на земном шаре. Не только пошлют флот, как в прошлый раз. Теперь у этого флота полномочия будут шире. Намного шире.

Насколько?

Через неделю в новостях промелькнуло сообщение, что корабли Первого Краснознаменного, в соответствии с предварительной договоренностью, двинулись с дружеским визитом к берегам Аравии. По телевидению мелькнули морские воды, по которым двигались корабли. На фоне скандала с разводом певицы Гортензии с ее продюсером, журналистом Барби Гаррибасом, это прошло незамеченным.

Снимок с большой высоты, не очень-то различишь, чей флот вообще. Я подозревал, что за неимением подходящих кадров массмедики показали чьи-то корабли вообще, а то и маневры французского флота трехлетней давности. А тут еще убийство директора одного из семерки крупнейших банков, кровью залит весь подъезд, будто забили крупного кабана, фотографии трупа, плачущей вдовы, обещание Черногорова найти и покарать, так что о флоте массмедики тут же забыли.

Правда, дипломаты нервно теребили разведку, почему те не сообщили о такой важной договоренности, а чудовищный стальной кулак в составе сорока только боевых кораблей тем временем неспешно и безостановочно двигался к теплым морям.

Корабли следовали походным ордером. В центре находились ракетноносцы, способные поразить ядерным ударом любую точку земного шара, и тяжелые авианесущие крейсера. В воздухе постоянно барражировали реактивные самолеты. Крейсера ПВО и самолеты дальнего радиолокационного обнаружения отслеживали каждый кубометр воздушного пространства. Большие противолодочные корабли, фрегаты по классификации НАТО, прощупывали лучами гидроакустических станций водную толщу, подозрительно цепляясь к каждому окуню или дельфину: а вдруг у него на спине закреплена мина? Вертолеты, взлетевшие с БПК, таскали подводные антенны ГАС, зацепив их тросами. В составе эскадры следовали танкеры и суда материально-технического снабжения. Эсканопланы с противокорабельными ракетами, ракетами-торпедами и глубинными бомбами на борту, давая по 300 миль в час на высоте 10—15 метров от поверхности океана, пугая чаек и летучих рыб, несли боевую охрану. Невидимые подлодки, которые невозможно обнаружить никакими видами чудо-техники, скрытно двигались с эскадрой, но только трое в России знали, сколько их, какие ядерные ракеты на борту и куда нацелены их хищные клювы.

Спутники-шпионы ежесекундно отмечали как местоположение флота, так и каждый из американских или натовских кораблей, самолетов. Эскадра двигалась медленно, неспешно, холодные моря уже сменились теплыми водами, когда в штабах НАТО забеспокоились все-раз. Разведка донесла о необычной активности высших должностных лиц в арабских странах, интенсивных переговорах с участием важнейших экспертов по нефти, нефтяному бизнесу и валютным операциям.

Штатовские спутники особенно придирчиво отслеживали путь флота. На крупных цветных фото, что выходили из принтеров последнего поколения, были подробные снимки палуб не только линкоров и крейсеров, но даже маленьких юрких ракетных катеров. Специалисты не нашли ни одного корабля моложе двенадцати лет, а в их 7-м флоте самому старшему недавно исполнилось восемь. Многие поговаривали, что эти продать бы арабам, богатые придурки купят, если сумеют завернуть в красивый пакет. Если продать не удастся, то на слом, в переплавку.

Русские, похоже, прекрасно знали, что за ними наблюдают из черного космоса. Один уже дважды делал непристойные жесты, задирая кулак к небу в чисто русском жесте, а потом, побаиваясь, что американцы могут не понять, переводил его на штатовский, задирая к небу средний палец.

Однако палуба оставалась неубранной, что было немыслимо в советскую эпоху. И моряки бродили между корабельными надстройками пассивные, забывали приветствовать старших по званию, плевали через борт, что строжайше запрещено всеми неписаными морскими правилами, как охотнику нельзя плевать в костер, а программисту в экран компьютера.

Глава 12

А в это время два корабля под звездно-полосатым флагом, огромные, как покрытые сажей айсберги, пересекали Черное море. Когда на горизонте показался берег Крыма, с первого спустили десантное судно, показавшееся ореховой скорлупкой рядом со стальной махиной корпуса.

Загремели цепи. Под скорлупкой забурлила вода, кораблик приподнялся над водой, пошел от стального гиганта, стремительно набирая скорость. За ним потянулся белый пенный след. Десантное судно все приподнималось, увеличиваясь в размерах, наконец понеслось по самым гребешкам волн, едва касаясь воды, и теперь было видно, насколько велико даже это стальное чудовище, укрытое за непробиваемым корпусом из лучших сортов стали, утыканное ракетами и скорострельными пушками.

Полковник Виллер, командующий операцией по высадке американских коммандос на крымский берег, стоял на борту десантного судна, что с огромной скоростью несло к вырастающему вдали берегу.

В лазурных полупрозрачных волнах прыгали рыбки, похожие на женские тела. Его мысли незаметно и плавно перешли на женщин, русских женщин, которые с готовностью побегут от своих нищих парней и мужей, за доллар-другой с готовностью раздвинут ноги...

Да, они победители! Сегодня их части высаживаются на землю русских. Это называется совместной украинско-натовской операцией по отработке взаимодействия по отражению нападения могучего соседа. Длинно и неверно, все равно в мире видят, как видят украинцы и русские, что на русский берег высаживается американская армия. Именно американская, а никакая не натовская. Всякие французишки, итальяшки и немцы только бегают сзади и подают тапочки, одни когда-то разбитые и покоренные военной рукой, а другие сперва попавшие в зону влияния Штатов после победы над Германией, а потом завоеванные долларом. Высаживается американская армия! Победившая.

Полузакрыв глаза, он чувствовал ласковое южное солнце, что вызывает жар в крови. Эти русские женщины будут готовы выполнить любое желание, любое желание его матросов, ибо женщины предпочитают сильных, а американцы во всем сильнее жалких русских мужчин...

И как он будет их учить, покорных и послушных, разным американским свободам, ибо в их дикой России все еще не знают бисексуальности, зоофилии, гомосексуализма, и как эти русские женщины, скрывая стыд, чтобы не показаться отсталыми, будут делать в постели и на улице все, что он скажет, только бы не показаться неразвитыми...

Тяжелая кровь уже скопилась внизу. Он чувствовал жжение в паху, подумал, что если сегодня же не насытится, то взорвется от переполнивших его гормонов. Надо будет позвать этого здоровенного негра, как его, Флетчера. Тот, судя по отзывам старшего офицера, хорош как в парном, так и в групповом. Сам продерет так, что глаза на лоб полезут, его черное мясо так же хорошо, как у того дога, которого Виллеру приводили развеселившиеся друзья перед посадкой на корабль.

Крымский берег надвигался стремительно. Длинная и широкая полоса чистого оранжевого песка, жаркое небо, уже различимы быстро мелькающие камешки и мелкие крабы на дне...

Он крепче ухватился за поручни. Десантный корабль, почти не снижая скорости, вылетел на мелководье. В тот же миг рухнула передняя стена, превратившись в широкий поддон. Из темного чрева выпрыгнули приземистые стальные машины, пронеслись в мгновение ока на берег. В сотне шагов за полосой мокрого песка остановились, прикрывая стальными бортами высаживающихся.

Последним выехал бронетранспортер. Виллер, сидя наверху в окружении бравых командос, жадно подался вперед. Вот она, проклятая Россия – последний заслон на пути США к мировому господству!

Оставляя глубокие следы на мокром песке, командос пробежали вперед. Виллер слышал тяжелое, но ровное дыхание этих могучих тренированных парней, выращенных на свежем мясе, напичканных витаминами, лабреджастами и стимулирующими бурный рост мышц гормонами.

Каждый нес на себе, помимо бронежилета, автоматическую винтовку с запасным боекомплектом, за спиной в ранце медпакеты и сухой паек, на поясе плотно сидят гранаты, фляга и штык-нож. На шлемах десантников микрофоны и наушники, можно разговаривать с каждым в отдельности, можно отдавать приказы сразу всем, никаких зеленых свистков, как у русских.

С первого взгляда даже не заметишь, что и ботинки с противоминными прокладками, и униформа нашпигована чипами, что за мили засекают затаившегося тушканчика, позволяют видеть сквозь дым и туман, и что каждый десантник несет на себе электронного оборудования на сто тысяч долларов. Все окупается тем страшным впечатлением, которое производят эти жутковатые неуязвимые машины убийства. Даже неустрашимые фанатики-террористы понимают, что выстоять против одинокого командос немыслимо целой группе их грязных экстремистов.

Виллер любовался своими натренированными атлетами, как дурак любовался бы какими-то дурацкими картинами или древними храмами.

Взрывая золотой песок, подбежал Эйзен, молодой и подтянутый капитан, выходец из хорошей семьи, отец владеет фабрикой по производству крема от морщин. Виллер с удовольствием смотрел на круглое румяное лицо, веселое настолько, что даже песок на три метра вокруг блестит ярче.

– Дожил бы, – крикнул Эйзен счастливо, – до этого дня мой дед!

– А что?

– Он спал и видел, как наши танки пойдут по проклятой России. И вот сейчас я иду!

Виллер усмехнулся, ему нравился наивный энтузиазм молодого капитана:

– Сейчас это считается Украиной.

– Неважно! Вчера эти земли еще были советскими. И вот сейчас вбиваем пыль... как сказал великий Киплинг: «Пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог! Мы идем по Африке...»

Виллер поднял голову. Яркое крымское солнце нещадно жгло, напоминая, что и здесь может быть как в Африке. По крайней мере, с водой так же скверно, хотя море вроде бы с трех сторон.

– Советская земля, – напомнил он, – теперь она зовется русской... совсем рядом. Вон там, по той роще, проходит граница между украинской зоной и русской.

– Разве Крым не украинский?

– Русские не стали за Крым спорить, – объяснил Виллер, – они просто арендуют часть этого полуострова под свои военные базы. Понятно, арендовать дешевле, чем кормить это вот все пространство, где нет ни черта и куда деньги пойдут, как в бочку без дна. Так что можем дойти до рощи, дальше не стоит.

– Почему?

– По роще проходит граница с русскими. Хотя у них не пограничники, а одна пьяная и голодная рвань, но... тем более не стоит. Еще вши переползут!

Эйзен с готовностью рассмеялся:

– Да, вшей у нас вывели еще в начале века. Мы против них беззащитны!.. Да, сэр, только до рощи. Ну разве что немного переведем дух в тени.

Эйзен повернулся, скомандовал:

– Рота, ша-а-агом марш!

Сам побежал едва ли не вприпрыжку, пристроился во главе серо-зеленых фигур, в своих боевых комбинезонах похожих не то на пришельцев из космоса, не то на мутантов из параллельного мира.

Виллер обернулся к десантному кораблю. Механик высунулся по пояс, наблюдал с широкой и завидующей улыбкой. Виллер усмехнулся, бросил в микрофон:

– Джонсон, не завидуй. Ты и сам тут можешь поймать... славяночку.

Из наушников донесся хрипловатый голос:

– Так берег же хохлы очистили от гражданских! Для маневров.

– Ну, ты же знаешь местных. Обязательно прорвутся! У нас доллары, а у них только их задницы.

Механик заулыбался во всю пасть, а Виллер, отключив связь, неспешно пошел в сторону далекой рощи.

Коммандос шагали уверенно и сильно, чувствуя себя в самом деле отважными первопреходцами и завоевателями дикой Африки. Сердца бились сильно и часто, горячая кровь стучала в виски, а ноздри раздувались в предчувствии добычи.

Самые дикие мечты сбываются. Вот они, самые сильные и натренированные в мире, идут по страшной земле Советов. И хотя уже не земля Советов, но как-то приятнее считать, что это та самая страшная земля варваров! От этого ощущения адреналин вливается в жилы не по капле, а бурными реками, грудь раздувается от восторга. Они топчут сапогами русскую землю, а сами русские только бессильно сжимают кулаки, скрипят нечищеными зубами да сопят в тряпочку!

Американский образ жизни победил, а эти со своими дурацкими идеалами, со своими предрассудками чести и верности слову уже лижут задницу их стране, выпрашивают кредиты. Свои жалкие рубли переводят в доллары, здесь уже по-американски научились бить в спину, бить лежащего, бить ниже пояса, топтать слабого, здесь все их девушки и даже жены раздвинут ноги перед ними с готовностью, с покорностью перед победителями!

Рядом с Эйзенем шагал Гарри, огромный негр, толстогубый и со скошенной назад нижней челюстью. Его считали страшилищем даже шлюхи островов Полинезии, но здесь оттянется на русских девках, а их русские парни пусть кусают локти, ждут, когда поиметые им девки принесут им на выпивку его доллары!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.